

Инна Баринская

*Детектив
сильных
страстей*

Ищи,
КОМУ ВЫГОДНО

Инна Юрьевна Бачинская

Ищи, кому выгодно

Серия «Детективный триумвират», книга 9

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9960171

Ищи, кому выгодно : [роман] / Инна Бачинская: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-80307-1

Аннотация

Любовь не всегда приносит счастье. Иногда она может стать настоящим проклятием... Ирина еще в школе полюбила блистательного и харизматичного Стаса Гетманчука, но он бросил ее, уехав делать карьеру в Москве. Казалось бы, надо все забыть и жить дальше! Но Ирина сохранила свое чувство на долгие годы – его не затмили ни долгая разлука, ни неудачное замужество... И вдруг – новая встреча со Стасом! Потерпев неудачу в бизнесе, он вернулся в родной город, теперь занимает высокий пост в мэрии. И, конечно, женат – на девчонке, ровеснице сына от первого брака! Однако это не помешало ему воскресить их школьный роман... Ирина понимала, что совершает ошибку, но ничего не могла с собой поделать. Их связь оборвалась страшно и нелепо: Гетманчука застрелили во дворе собственного дома...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	65
Глава 8	76
Глава 9	84
Глава 10	89
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Инна Бачинская

Ищи, кому выгодно

© Бачинская И. Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Действующие лица и события вымышлены,
их сходство с реальными лицами и событиями
абсолютно случайно.*

Автор

Пролог

На исходе длинного теплого дня наступил не менее теплый вечер. После недели дождей, наконец, прояснилось, и появилась надежда, что погода «войдет в русло». Длинный двор в кольце старых, еще сталинской застройки, домов напоминал лабиринт – в нем было много потайных и укромных местечек, где находили приют вездесущие подростки или выпивохи. Он был хорош еще и тем, что здесь практически не гонял патруль – не то, что в парке напротив. И сейчас в беседке, в самой темной его части сидела компания молодых людей...

Человек вошел в арку, пересек темный двор. Приблизился к подъезду, и тотчас раздался негромкий хлопок выстрела. А затем – еще один. Человек качнулся, попытался удержаться на ногах, выбросив вперед руки и упершись в дверь подъезда, а потом тяжело осел на землю.

Убийца побежал через двор к арке, выходящей на улицу. Молодежь высыпала из беседки и подтянулась к подъезду; в это же время жилец дома вывел на прогулку собаку – золотистого ретривера Лорда. Жилец с трудом открыл входную дверь – убитый придавил ее своим телом. Первой в щель протиснулась собака. Обнюхав лежащего человека, она попыталась, подняла морду и завывала...

Глава 1

Встреча

То берег – то море, то солнце – то выюга,
То ласточки – то воронье...
Две вечных дороги – любовь и разлука –
Проходят сквозь сердце мое...
Булат Окуджава
Любовь и разлука.

Она сразу почувствовала, что на нее смотрят. Здоровенный мужик стоял рядом и откровенно пялился. Она почувствовала, как вспыхнули щеки и шея, дернула головой и повернулась к нему спиной. Тут ей пришлось в голову, что смотрел он вовсе не на нее, а мимо – на продукцию «Клуба сыра», а она уж разволновалась, дура. Сейчас никто ни на кого не смотрит, разве что старые козлы на полураздетых школьниц. Но школьницы при этом не краснеют и не дергают головой. Народ гуляет почти голый, не стесняясь обильных закрывков и целлюлитных ляжек. Всем на всех плевать.

Кажется, продолжает смотреть. Вот привязался! Она выпрямила спину, протянула руку за яркой упаковкой, притворилась, что внимательно читает. А взять и вызывающе посмотреть ему в морду – слабо? И тут он сказал:

– Ира, ты?

Низкий утробный бас, не бас, а настоящий рокот. Она резко повернулась. Вгляделась. Большой, солидный, он радостно смотрел на нее с высоты своего немалого роста. Седые виски, широкая улыбка, узкие рысьи глаза. На правой щеке ямочка. Ее обдало жаром.

– Гетман?! Славик?!

Его школьное прозвище вырвалось у нее непроизвольно. Славик Гетманчук, Гетман! Она не видела его... Сколько же? Целую вечность. Лет двадцать... Нет, больше! Двадцать четыре года. Точно, двадцать четыре! Последний раз они виделись, когда она была на втором курсе истфака, а он на втором же юридического. Он тогда пришел и сказал...

– Ирушка! – загудел Славик. – А я смотрю и думаю: ты – не ты? Это сколько же времени прошло, а?

Он вдруг обнял ее, прижал к себе, громко чмокнул в макушку. Она вдохнула запах его рубашки и парфюма. И тела. Большого, теплого, респектабельного тела в дорогой рубашке. Прижаться к такому и – по жизни с песней! Мелькнула мысль, что вот ведь как удачно вышло: на ней новая юбка в оранжевую и коричневую клетку – давно забытый и ныне вернувшийся солнце-клеш – и коричневый свитерок с деликатными блестками на груди. И бирюзовые итальянские сандалии. Она нравилась себе в оранжево-коричневой расклешенной юбке и бирюзовых сандалиях.

Он отстранил ее от себя, сильно удерживая за плечи. Хотя

она и не собиралась бежать. Улыбаясь, смотрел. Юношеская когда-то ямочка сейчас больше напоминала морщину, глубокую бороздку, но все равно! Все равно! Ласковый, снисходительный взгляд старшего товарища, победителя, ответственного за судьбы. Посвященного в рыцари удачи (или это что-то другое?), уверенного в себе. Он и в школе смотрел так же, и сразу начинало казаться, что все будет хорошо. Не может не быть, если он рядом, держит за руку, смотрит ласково и снисходительно. Что остальные? Никакого сравнения! Мальчишки, подростки, хулиганы, дурачье. А он – солидный, вальяжный, знающий себе цену. Позже она говорила себе: успокойся, дуреха, подумаешь! Да что в нем, кроме стати? Не интеллеktуал, чувство юмора на нуле, кто такой Аксенов, не знает даже понаслышке, не говоря уж о других. Их время было временем толстых журналов, когда не знать было стыдно. Тогда все читали. А он не знал и не стеснялся. Вам, девушкам, все бы романы читать, говорил. Добродушно так говорил, необидно, снисходительно. Была в нем основательность, которая делала его мечтой всякой женщины. Аура была. Бабушки говорили: за таким, как у бога за пазухой. И деньги у него были, в отличие от других – чуть не все лето вкалывал на стройке. И девчонки-продавщицы оставляли ему импортные шмотки, и машина появилась на втором курсе, причем сам заработал – калымил в Сибири. Он делал себя сам, казалось – легко, играючи, с усмешкой. А однажды отпустил бороду – чисто тебе полярник, ученый-физик

или геолог! Старушки крестились вслед, думали, батюшка.

Их время было временем героических профессий, а плохие парни – банкиры и бизнесмены – водились только в американском кино. То был век неискренности, веры и надежды. Они были девственны во всех смыслах.

А потом он пришел и сказал...

Они встречались с десятого класса, почти два года, девчонки завидовали, пытались перейти дорогу. Красавица Лидка Кулик, похожая на мальчика Наташка Сидоренко – первая спортсменка школы. Наверное, были и другие. А ему – по барабану. Как и не знал, как и не догадывался. Все было как в той старой песне: и платье шилось белое... И так далее. А однажды он пришел и сказал – деловито, спокойно, без ложной неловкости... Неловкость, неуверенность, чувство вины – это были не его химеры. Он был человек прямой: хочу-не хочу, нужно-не нужно. Это же так просто! *Элементарно!* Его словцо...

Он пришел и сказал... Причем ничто не предвещало грозы. Да и грозы-то никакой не было, какая там гроза! Он отставил ее с деловитостью асфальтоукладчика – просто отодрал. Сказал: понимаешь, у меня есть возможность перевестись в столицу, там у отца друг министр, обещает помочь. Жениться мне еще рано, сама подумай. Придется вкалывать. Это здесь, дома, можно дурака валять, а там – сама понимаешь. Приезжать часто не смогу.

Он смотрел на нее ласково и снисходительно, как старший

брат. А она, испытывая мучительное чувство стыда, криво улыбалась, чтобы он не дай бог не догадался, как ей больно. Такие были у их поколения правила игры, а также женская гордость из романов, которых он не читал. Не выдать боли! А может, это ее дурацкий азиатский характер, от прабабки, по слухам – из астраханских татар. Главное – не потерять лица, – из-за этого ее всегда считали сильной женщиной. Какая там сильная! Один вид. И напрасно. Говорят, слабых и любят сильнее, и бросают реже. Она без меня пропадет, говорит он, а ты – сильная. Ну это уже потом, потом – жизнь, она длинная...

Конечно, рано, сказала она. Конечно, понимаю. Звони, не пропадай. И все это с приклеенной судорожной улыбкой. Элементарно. Тогда она еще не знала, что беременна.

– И ты не пропадай, – ответил он тепло. – Я позвоню, как устроюсь. – Он поднялся. – Завтра ехать, мать суетится, бабушка рыдает. Прямо как на фронт собирают. Полный *ералаш*!

Тоже из его словечек. Элементарно и ералаш! Все, что не элементарно, – ералаш. И наоборот.

Он засмеялся. Она тоже засмеялась, за что потом извела себя – надо было хранить высокомерное молчание. Но какое высокомерие, когда так больно?.. Смеешься, чтобы непослушные мускулы лица не расплзлись в гримасу.

– И барахло еще укладывать! – добавил он все с той же ласковой улыбкой и ушел.

Только после его ухода исчезла приклеенная улыбка и глаза стали как у побитой собаки. Разумеется, она бросилась к зеркалу. Свет мой зеркальце, скажи... А чего говорить, все и так видно. Растерянная физиономия, несчастные глаза. Потом рыдания в подушку, и наутро – красный, распухший нос. И одно лишь утешение: не разревелась при нем! Не дала понять, не показала, не выдала, не унизилась. Улыбалась. Аве, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя! Молодец! Всегда есть хоть какое-то утешение, а как же иначе! Всегда. Не потерять лица.

Страницы из дневника про историю любви она потом вырвала и сожгла. Да и писать перестала на всю оставшуюся жизнь. Вся остальная жизнь того не стоила. То острое, первое, до нервной горячки и обморока от звука родного голоса, больше не повторилось. Жгла и выхватывала обрывки слов, дотлевавшие в пальцах. «Люблю... никогда... Слав..... вместе! Навсегда... счастье... Ни за что!»

И все. Вся любовь.

Она позвонила ему как-то, выдержав борьбу с собой. Пришлось позвонить, у нее не было выхода, так сложились обстоятельства и легла карта. Убеждая себя: а что тут такого? Мы же друзья. Друзья мы! И одноклассники. Тем более все спрашивают, интересуются. Привет передают. *Элементарно.* Взяла номер у его бабушки и позвонила. Ирушка, как же у тебя нет телефона Славочки, удивилась бабушка. Сейчас принесу! Записывай.

Надеялась: а вдруг? Вспомнит, поймет, потянется. И тогда она скажет ему...

– Ирка! – закричал он радостно. – Ты?

Привычное «Ирка, ты?» кольнуло в сердце. Радость в его голосе тронула ее, в глазах защипало. Показалось, что все ее проблемы замечательным образом разрешились.

– Как ты? Что нового? Кого из наших видела? – тормозил он. – Кто в городе? Замуж еще не вышла?

«Замуж не вышла?» Ей показалось, он ударил ее. Отсек от себя окончательно и бесповоротно. После истории их любви, пусть детской, его равнодушное «замуж не вышла?» прозвучало с убедительностью пощечины.

Она так ничего ему и не сказала. Не посмела. Боялась потерять лицо. Да и что было говорить?

Уймись, дура, приказала себе. Он ничего не хочет о тебе знать. Он чужой. Он не позволит тебе признаться... Дурацкое слово – «признаться», разве это преступление? Явка с повинной? Сказать и услышать, как он, перестав дышать, начнет мямлить в ответ какую-то чушь? О своих больших планах и надеждах, в которые она не вписывается? Хотя нет, мямлить он не будет. Он четко и ясно скажет... Что же он скажет? Найдет, что. Он всегда знает, что сказать. Человек без химер. Прямой как штык.

Значит – забыть! Не смей реветь! Не смей распускать сопли! Жизнь продолжается. «Соберись», – как говорила их школьная математичка. Соберись и реши эту чертову алгеб-

ру! Соберись и живи дальше. Все равно деваться некуда...

– Как ты, Иренук? – Он смотрел все с той же улыбкой. – Выглядишь прекрасно, даже красивее, чем была!

Он действительно был рад ей. Все еще держал за плечо. Рука у него была большая и горячая. Надежная рука большого человека. Тяжелая артиллерия. Улыбка, на щеке – ямочка-тире, глубокая бороздка – на месте. Узкие рысьи глаза – каре-зеленые, веер морщинок. Все то же. Только с поправкой на время...

– Нормально. А ты?

Ей не понравился собственный голос – тонкий и неприятный. Она кашлянула. Неужели волнуется? Девчонка! Еще не хватало покраснеть. После четверти века...

– В порядке. А ты как, на каникулах? Или...

– Или. Я здесь живу. А ты по-прежнему в столицах?

– Был. И там, и за границей пять лет, у меня был завод электроники. Заводик. Уже нет. Вернулся. Знаешь, наступает время собирать камни – так, кажется, в Библии? Ты не спешишь?

Они стояли друг против друга в залитом мертвенным светом дневных ламп зале магазина. Она мотнула головой. Он взял у нее из рук упаковку сыра, положил на место и за руку повел из магазина. Так они и шли: он впереди, она – за ним, отставая на шаг. Так она когда-то представляла себе их жизнь: он, большой корабль-флагман, впереди, она –

в фарватере, следом, как маленькая послушная лодочка...

Не получилось, потому что он пришел и сказал...

Сказал честно и прямо, как честный и прямой человек. За одно это он достоин уважения – мог ведь сбежать, правда? Тогда было бы еще хуже. Иными словами, то, что он пришел и сказал, наверное, лучше, чем если бы не пришел и не сказал, а просто сбежал. Она так и не решила для себя, что же лучше. Что лучше – надеяться или сразу по-живому? Черт его знает! Тут, видимо, вопрос не в том, что лучше, а в том, кто как может, а в результате все едино.

*Всяк, кто любил, любимых убивал... Как там дальше? Жестоким словом иль ножом разил он наповал... Отважный взмахивал клинком, трусливый прятал взгляд...*¹

Летний день клонился к закату. В природе царил томная предвечерняя неподвижность. Ни ветерка, ни шелеста. Даже звуки улицы притупились и почти растворились в густом воздухе.

– Пошли посидим где-нибудь, не против? – От его улыбки перехватывало дыхание. Слово не стояло между ними двадцати... четырех? пяти? бесконечных коротких лет. – Тут рядом есть погребок «Детинец», помнишь, мы бегали на переменах перехватить? У них были сосиски, коржики, пиво и шампанское. – Он рассмеялся. – А помнишь, как мы отмечали день рождения Макса? Взяли две бутылки, по сосиске... Сколько же нам тогда было?

¹ Оскар Уайльд, «Баллада Редингской тюрьмы».

– Мы были в восьмом классе...

– Точно! В восьмом! Два пузыря на семерых, и казались себе страшно крутыми. А тетка-уборщица стала ругаться, что расшумелись и несовершеннолетние. Помнишь, как орала?

Она помнила. Шампанское ударило в голову, она тогда хохотала под злобным взглядом сумасшедшей старухи, которая с остервенением возила мокрой тряпкой по их ногам и бормотала что-то беззубым ртом.

Славик был за старшего. Он купил шампанское, ему не посмели отказать.

– За тебя, Макс! – сказал он, поднимая бокал. – Рости большой и не кашляй!

Они так и покатались, хотя, скажи такое кто другой... В том-то и дело, что Славик был Славик, а не кто другой. Что можно Гетману, того нельзя... быку! Все, что говорил Славик, было уместно, к слову и весомо. И смеющиеся узкие каре-зеленые глаза, и улыбка, и ямочка – все было уместно. Она, разогретая шампанским, смотрела на него в упор, и он вдруг подмигнул ей. Ее тряхнуло током...

Глава 2

Прошное и настоящее

– Шампанского? – спросил он. – За встречу!

Шампанское было слишком сладким. Но зато холодным. Пузырьки стреляли в нос, фужер запотел. Славик смотрел, прищурившись, словно оценивал.

– Ты как? Замужем? Дети? Я помню твою маму...

– Мамы нет. Мужа тоже нет. Детей... нет.

– Но ты же была замужем?

– Была. Муж погиб, разбился на машине шесть лет назад.

Она не сказала, что муж, Игорь, был в машине не один, а с женщиной. Погибли оба. Горе превратилось в фарс. Как должна реагировать жена на гибель мужа и его любовницы? Рыдания во время похорон неубедительны. Да и вряд ли уместны. Любопытные взгляды присутствующих просто неприличны. Их хоронили в один день, но в разное время. Игоря в двенадцать, ее в четыре. Женщину эту звали Клара, она преподавала музыку и была на пять лет старше, как сообщила ей школьная подружка-соперница Лида Кулик. Старая дева, блеклая, пугливая, никакая. У нее и семьи-то не было, одни коллеги. Для Ирины долго оставалось загадкой, почему именно эта женщина? Что она давала Игорю? Повышала самооценку? Играла на фортепьянах люби-

мую «Оду к радости»? Что? Эта женщина в качестве любовницы мужа была оскорбительна! В свое время Лидка тоже пыталась подкатиться к нему, а он выбрал Клару. Даже имя ее отдавало нафталином. Неисповедимы пути влечения...

Лида держала ее за руку своей решительной и сильной рукой. После похорон они подружились. Не за кого больше было сражаться. Лидин муж Кирюша был какой-то квелый и неубедительный, вечно озабоченный, весь в мыслях о прокорме семейства. А в ней сидел черт. Глаз горел, особенно после рюмки коньяку, язык развязывался, щеки пылали, тосты становились все опаснее. «За мужчин!» «За настоящих любовников!» Муж, улыбаясь, смотрел на Лиду, исправно пил. Однажды она ляпнула: «За оргазм!» Все, не сговаривались, посмотрели на мужа. «Кирю-ю-юш! – пропела Лида. – А ты знаешь, что такое оргазм?» После паузы кто-то неуверенно засмеялся. «А вот салат!» – закричала хозяйка, появляясь из кухни с миской.

Их хоронили в разное время. Ей казалось, что присутствующие дорого бы дали, чтобы в одно... Так ей казалось. Нам всегда кажется, что окружающим есть до нас дело. Ну да, конечно, есть, разумеется, есть, но сиюминутно, до завтра. У всех своих проблем выше крыши...

...Он взял ее руку. Когда-то они гуляли, держась за руки. Она помнит ощущение своей руки в его. Иногда она думала, что отношения с Игорем не сложились из-за Славика. Она

невольно сравнивала их, Игорь проигрывал. Возможно, он чувствовал, что проигрывает. Есть люди, которые подавляют, хотя никаких усилий для этого не прилагают. Возможно, она подавляла Игоря.

Сначала все было хорошо. Она была ему благодарна. С ним она не чувствовала себя брошенной. Она старалась быть хорошей женой. Игорь был интересный, умный человек, заводила в любой компании, рыбак, турист, любитель посидеть у костра. Но до Гетмана ему было далеко. Всем было далеко до Гетмана. Гетман был один такой. Она еще долго была полна Гетманом. Несмотря ни на что. Ей казалось, что виновата она одна. Не сумела стать нужной, единственной. И она старалась стать единственной для Игоря. Но, наверное, одного старания мало, нужна любовь. Ей казалось, она любила его, а как же иначе? Конечно, любила, но не так, как... Не так!

Она была ему благодарна, он вернул ей самооценку. «У тебя заниженная самооценка», – говорила Лида Кулик. Благодарность – хилая пища для любви, все знают. Любовь питается любовью. Что же давала ему Клара, часто думала она. Ей казалось, она поняла, в конце концов. Для этой одинокой и некрасивой женщины Игорь был светом в окошке, единственным, любимым, нужным каждую минуту ее жизни. Он был для нее всем тем, чем она, Ирина, так и не стала. Ни для Славика, ни для него. Клара была тихой гаванью, где его всегда ждали. Она, Ирина, старалась изо всех сил, она

была ему благодарна, она гладила ему рубашки и исправно готовила завтраки. Они никогда не ссорились. А последнее время уже и не разговаривали. Утром разбегались в разные стороны, вечером тупо смотрели телевизор. И детей у них не было.

У нее не могло быть детей. Врач тогда сказал: может больше не получится, подумайте, девушка. О чем было думать? Вся жизнь впереди. Это в тридцать думают о таких вещах, а в девятнадцать – нет. Нужно было заканчивать вуз, получать диплом, становиться на ноги. Она сразу решила, что роль брошенной матери-одиночки не для нее. Спустя время она спрашивала себя, может, не стоило... резать? И не находила ответа. На одни и те же вопросы человек отвечает по-разному в молодости, зрелости и старости. И с возрастом все менее уверен, что в юности поступил правильно. Что кажется правильным в девятнадцать, выглядит неубедительным в зрелости.

Игорь хотел ребенка. Они даже предпринимали какие-то шаги для этого, но потом все постепенно сошло на нет, они выдохлись и о ребенке больше не заговаривали. Она пыталась вспомнить, когда он перестал говорить о ребенке, но не сумела. Года за три до... конца. Она не знала, была ли уже Клара. Она не обладала чутьем жены на измену, и это объяснялось вовсе не ее доверчивостью. На самом деле ей было все равно. «Бедный Игорь», – однажды подумала она, лежа ночью без сна. Почему он не ушел к этой Кларе?

Может, и ушел бы наконец. Просто не успел...

После той ночи без сна она стала носить цветы и Кларе. Ему – лилии или астры, ей – ирисы. Ей казалось, что скромные синие ирисы чем-то похожи на Клару, которую она не знала и никогда не видела.

– Какие они все-таки сволочи! – сказала Лида, оскорбленная, что он выбрал Клару. – Им лишь бы с кем! С любой уродиной!

Она промолчала тогда, в душе не согласившись. Лида была уверена, что сочувствует подруге.

– А у тебя есть дети? – спросила она.

– Сын. Парню уже двадцать три, учится в Сорбонне. Представляешь, какой я старый?

– А что ты тут делаешь? Если без Библии и собирания камней?

– Заведую отделом в мэрии. Социалка. Много чего было, устал, если честно. Понял, что ничего не нужно, все это тараканы бегать. Мама совсем слабая стала, ей трудно одной, все домой звала. Вот я и решился... Успел – спустя год она умерла...

– Мне очень жаль, – пробормотала она.

Он вздохнул:

– Конечно, старые связи рубить не стал, если не прижиться, поверну оглобли. Но как-то так с самого начала сложилось... Встретил Лену, влюбился как мальчишка, снова же-

нат – уже два года.

Он говорил легко, словно подтрунивал над собой. В нем чувствовался хозяин жизни, он делал себя сам. Ему ничего не стоило бросить за границу и вернуться. Если его сыну двадцать три, то когда же он родился, подумала Ирина. Через год после отъезда? Через два? Когда же он успел?

– А твоя первая жена?.. – спросил она неуверенно.

– Сокурсница. Умная, красивая, но... злая! Павлик, сын, к сожалению, в нее. Злой, жестокий, пойдет по трупам. Не в меня. – Он рассмеялся. – Я говорил жене, что мы еще наплачемся с ним, что с ним нужно иначе. Так и получилось. Мы с Ленкой решили рожать... Буду молодым папашей. Такое мне счастье в старости привалило. – Он снова рассмеялся. – Знаешь, мама вспоминала тебя, спрашивала, а где Ирина? Все беспокоилась, как ты, когда я уехал.

Мать Гетмана внушала ей робость. Большая сильная женщина с узлом волос на затылке и тяжелым взглядом узких рысьих глаз. А бабушка Неонила Петровна была славная и всегда радовалась, когда она приходила. Называла Ирушкой. Они оба называли ее Ирушкой – внук и бабушка. Больше ее никто так не называл. Игорь говорил: Ирка или Ируха. Тогда у нее мелькнула было мысль рассказать обо всем бабушке, но она не посмела.

– Ты снова женат? – спросила она ровным голосом, слишком ровным.

– Представляешь, снова! Ленка почти на двадцать лет мо-

ложе. Чуть не ровесница сыну. Никогда не ожидал от себя такой прыти. Развод был тяжелый. Ты же знаешь, как у нас бывает! Нам до европейской культуры как до неба. Приехал сюда, думал, год-другой пересажу, приду в себя, оклемаюсь, а там видно будет. И тут вдруг встретил Ленку. Она училась на инязе, а у меня в их вузе была проверка. Говорил со студентами, интересовался жизнью, то се. Сразу ее заметил. Узнал телефон, старый дурак, позвонил. А она влюбилась, я даже не ожидал. У нее одна мать, росла без отца. Мой приятель-психиатр говорит, у нее комплекс безотцовщины... Или как это там у них называется. Ее и потянуло ко мне. Иногда чувствую себя отцом великовозрастной девицы! Воспитываю, учу, вспоминаю себя в этом возрасте – неужели был такой же незрелый?

Хозяйин жизни, подумала она. Никогда не был незрелым. Всегда знал, чего хочет. Протягивал руку и брал. Сын в Сорбонне, молодая жена... Красивая, наверное, в перспективе ребенок. А что не впишется в его жизнь, он отодвинет. Всегда отодвигал. Деловито, спокойно. *Элементарно.*

Она не понимала себя сейчас, не понимала, что испытывает к нему. В чем его можно упрекнуть? Что не женился тогда? Он честно сказал, что не готов. Они оба не были готовы. Ей, правда, не повезло. Такова гендерная справедливость. Женщина платит дороже. Он же мне сломал жизнь, вдруг подумала она. И тут же себя одернула. При чем тут он? Ее мечты, фантазии и надежды – ее личное дело. Он пришел

и честно сказал...

Еще она подумала, что вполне могла оказаться на его месте. Могла прийти к нему и сказать: «Извини, я перевожусь в столичный вуз!» Честно прийти и сказать. И что? Она сломала бы ему жизнь? Жизнь – продукт гибкий, ее трудно сломать. Расхожий рецепт – немного здорового эгоизма. И дело. Сожми зубы и делай что-нибудь. Делай дело. Все проходит, дело остается. А что бы он ей ответил? Засмеялся бы и пожелал счастливой дороги. Она так явственно видела эту сцену, что однажды ей показалось, что именно так и было. Нельзя упускать свой шанс. Шанс может выпасть лишь однажды, а любовью много. Никто не виноват, что она такая ущербная... Однолюбка, как сказала однажды Лида Кулик. Зацикленная. Сама виновата. Никто тебе ничего не должен. *Элементарно.*

Обидно было то, что он так просто взял и ушел. С улыбкой. А что, спрашивала она себя, если бы он рыдал и ползал на коленях, было бы легче? Да, легче, ответила себе. Если бы он сказал – понимаешь, я должен ухватить свой шанс, мне предстоит трудная жизнь, я буду вкалывать днем и ночью, я не хочу тебя связывать... Было бы легче. Конечно, легче. Она бы ответила, что будет ждать, а там посмотрим. Но ему не нужно было, чтобы она ждала. Он развязывался с ней бесповоротно и начинал новую жизнь. Без сожалений и колебаний. И это было больно. А через год женился...

Хватит! Сколько можно копать во всех этих «если бы да

кабы», «пришел-не пришел», «сказал-не сказал»? Двадцать пять лет! Жизнь прошла, а ты все там, неудачница!

...Он записал номер ее телефона. Сказал, что непременно позвонит. Непременно познакомит с Ленкой. Посидим, разопьем бутылочку ликера... Специально для дам, «Айриш крим» называется. Им есть что вспомнить, сказал он. Я часто о тебе думал, сказал он. Ты совсем не изменилась, сказал он. Притянул к себе и поцеловал в щеку.

И они расстались. Она шла по улице, и улица слегка покачивалась. То ли от выпитого шампанского, то ли еще от чего. Вечером она позвонила Лидке. Ей не терпелось рассказать, что Славик Гетманчук вернулся, что он в городе, что они встретились и пили шампанское. Неясные надежды брезжили, какие-то перемены обещались, что-то такое светлое мнилось и виделось...

– Знаю! – ответила Лидка. – Мне звонила Лерка Зеленская. Домой он приехал, камни собирать! Как же! Оттуда просто так не приезжают. Выперли его, потому и приехал. Когда поперли тестя, полетел и твой Славик. А тесть отвечал за все городское строительство. Помнишь аферы с элитными домами и застройками в исторических зонах, все газеты еще кричали? Вот он и сбежал за кордон. Потом супружница подала на развод и обчистила его. Вот он и вернулся. Пусть скажет спасибо, что не посадили. Как он хоть выглядит? Головку держит?

– Прекрасно выглядит. Снова женат, молодая жена.

– Женат? – ахнула Лидка. – На ком?

– На студентке!

– На студентке? Вот зараза! Нет, я всегда говорила, им легче. У них активный диапазон шире. Ты бы, например, смогла выйти замуж за студента? То-то и оно. А эти кобеля запросто! На двадцать лет моложе, на тридцать, на сто! И дети! Вон Энтони Квинн родил в восемьдесят... – Она замолчала. Потом добавила деловито: – Может, устроим междусобойчик? Я обзвоню ребят. Как ты?

– Не знаю. Он здесь уже три года...

– Вот подонок! И никому ни слова! Телефон есть? Дай!

– Они собираются рожать, – сказала Ирина, и в голосе ее невольно прозвучала обида.

– Да ты что? Старый козел! А он уверен, что это его ребенок?

– Ну что ты несешь? А твои чьи? – не выдержала Ирина.

– А как по-твоему?

– Откуда я знаю!

– То-то. И я сомневаюсь. Вовка точно Киркин, а Севка – убей, не знаю!

У Лиды было двое мальчиков.

– Ты что, совсем спятила?

– Дай телефон!

– Не дам!

– Ты что, опять втюхалась? Совсем с катушек слетела?

В этого подонка? Я же все равно узнаю! Позвоню Женьке, он знает! Большой привет!

Ночь прошла без сна. Она ворочалась на раскаленных простынях, зажигала свет, выходила на кухню, пила воду. Включала телевизор. Бегала по каналам. На экране бойко спаривались мужчины и женщины. Стоны, откровенные позы, крупный план. Для тех, у кого бессонница. После этого, возможно, им захочется спать.

Она вспоминала его слова, взгляд, большую теплую руку, искала намеков на что-то... На возможность чего-то, продолжение и возрождение. То, что он вернулся, было знаком, оменом, обещанием. Чудом это было!

Она смотрела на себя в зеркало: ожидание и загадка, синева под глазами, сухие губы. Сглатывала, напрягая шею – нервы шалят! Попыталась призвать себя не поддаваться, но кто и когда был властен над собственными мыслями? Она вспоминала, и воспоминания сыпались летним дождем – запахло озоном, мокрой травой и листьями. Он ведь тоже помнит, не может не помнить! Как он смотрел на нее! Он сказал, что она не изменилась, такая же красивая. Доверчиво рассказал о себе... Даже в том, что он так доверчиво обнажился перед ней, рассказал о женах и сыне, был намек на их близость...

Любовь питается любовью, а чем питается надежда? Наверное, воображением. И умирает последней.

Надежда – роскошный цветок, произрастающий на лю-

бой почве, даже на камне, даже на асфальте. Знак, омен, предчувствие... А иначе зачем их снова столкнуло? Какой смысл? И что дальше?

Глава 3

Будни

Ирина работала в областном архиве, в отделе «старых» документов – до семнадцатого года. Архивы городской управы, полиции, дворянского собрания, гимназий и школ. Пожелтевшая гербовая бумага с печатями, двуглавые орлы, забытые имена и нечеловечески красивые каллиграфические изыски. Последние три года они были заняты сортировкой документов для переноса в электронную базу данных. Четыре компьютера архиву подарил кандидат в мэры. Он так и не стал мэром, но компьютеры не отобрал. Один достался «старикам». Заведовал технической базой самоучка без диплома, виртуоз и электронный художник Иван Ряха, который не мог учиться по причине слабой головы, но технику чувствовал сердцем и мог работать с закрытыми глазами. Как-то это у него получалось. Лидка однажды сказала, что Иван – индиго, и знание сидит в нем изначально. Из космоса. А на вид недоделанный.

Директор архива, старейший архивариус страны, семидесятилетний Сократ Сигизмундович, требовал найти дипломированного программиста, но повысить зарплату отказывался. Его поколение работало на энтузиазме. Ивану деньги были по фигу, он тоже работал на энтузиазме. Только дипло-

ма не было. Это, разумеется, было халатностью, даже должностным преступлением – доверить архив неизвестно кому без диплома. Ирина сообщила ему по секрету, что Иван – индиго. Сократ Сигизмундович всполошился – он не знал, что такое индиго. Не поленился, сходил в библиотеку, подчитал источники. Не поверил, но с тех пор стал с любопытством присматриваться к Ивану.

Ее коллега, дама послепенсионного возраста – у них работали одни старики ввиду скромной оплаты труда (Лидка называла их областным геронтологическим центром), – похожая на засушенного кузнечика, с удивлением уставилась на начальницу.

– Ирочка, у вас что-нибудь случилось?

– У меня? Нет, а что?

– Вы такая необычная сегодня! Светлая, нарядная. Я бы даже сказала, что вы влюбились.

– Ну что вы, Зой Петровна, просто погода прекрасная!

– У вас глазки сияют!

– Вы тоже хорошо выглядите, Зой Петровна. Я принесла пирожные, давайте чайку. Иван на работе?

– Ваш Иван тут ночует!

– Позовем Ивана...

– Вы, Ирочка, просто красotka сегодня!

Документы, бумаги, пыль веков, никому не нужная информация, которая будет храниться вечно... Уйдет Сократ Сигизмундович, уйдет Зоя Петровна, индиго Иван, она,

Ирина, тоже уйдет, а бумаги останутся, вернее, уже не бумаги, а электронные файлы. И не потревожатся никем во веки веков и присно.

Что такое «присно»?

День пролетел незаметно. Ирина думала, разумеется, о Гетмане. Гетманом была полна ее голова. Он позвонит, они снова встретятся. Ей ничего не нужно, только видеться, хоть иногда. Вечером она бросилась к зазвонившему телефону, уронила чашку. Чашка разбилась. Неправда, нужно!

– Что, ждешь? – Это была Лида Кулик. – Сидишь, как дура, под телефоном?

– И не думаю!

– Рассказывай! Твой прекрасный принц в филармонии со своей половиной.

– Откуда ты знаешь?

– Лерка позвонила, говорит, сидят в первом ряду. Он – шикарный, она – совсем девчонка, тощая, ни рыба ни мясо. Что они в этих малолетках находят? Ума не приложу. Вроде мода на девственниц прошла.

– Наверное, восхищение. Малолетка смотрит на него большими глазами...

– Всякие теперь малолетки! – хмыкнула Лидка.

– А мы видим их насквозь, и они это чувствуют.

– Козлы! Восхищение им! А если позвонит, ты... что?

– В каком смысле? – Ирина почувствовала, как ее обдало жаром.

– В том самом! Побежишь?

– И не подумаю.

– Не свисти! Побежишь как миленькая. Я его не видела, а Лерка говорит, шикарный мужик. А чего! Ты одна, жалко, что ли? Я бы и сама... Господи, как он мне остогрыз! – Последнее относилось к мужу.

– Дать ключ?

– У меня есть, еще с прошлого раза. Мужика нету! Так что, если не хочешь, я с удовольствием. Поимей в виду.

– Поимею.

– А чего ты какая-то квелая? На работе проблемы? Пропали справки по вывозу мусора в тринадцатом году?

– Устала просто.

– Ага, устала. Думаешь, не знаю? Неужели простишь?

– Что ты несешь?

– Он же тебя бросил, а ты опять сопли распускаешь! Я же вижу!

– Ты можешь о чем-нибудь другом?

– Правда глаза колет?

– Плевать я хотела на твою правду! – взвилась Ирина. – Ну, бросил! Ну и что? Тебя не бросали?

– Ха! Конечно, бросали. Всех бросают. И я бросала. Но я не ты, я плюну в морду и отвернусь, а ты себе всю жизнь испоганила. В том числе семейную. Скажи, нет? И сейчас опять. Ты что, думаешь, он вернется к тебе? От своей малолетки? Да у него все наперед на сто лет расписано! Все схва-

чено! Все по графику!

– Хватит! – завопила Ирина.

– Да ладно, я не хотела, – примирительно сказала Лидка. – Живи дальше. Просто настроение склочное. Вовка сказал, что женится. В девятнадцать! Дурак! Трахаться им, видите ли, хочется, а негде. Сопляк! Засранец! Как они все меня достали! Господи!

– Хочешь, приходи. Я кабачки стушила, одной не хочется...

– Приду, – обрадовалась Лидка. – Меня хлебом не корми, дай пожрать. Лечу!

– Расскажи про Гетмана! – потребовала Лидка, когда они уютно устроились на кухне.

Ирина накрывала на стол, Лидка возилась с бутылкой. Ирина пожала плечами.

– Смотри, Ирина, я тебя предупредила.

– Ага, поставила на счетчик, – хмыкнула Ирина. – Слушай, а может, ты ревнуешь? Ты ведь тоже за ним бегала? Забыла?

– Когда это было! – пренебрежительно фыркнула Лидка. – Он на меня ноль внимания, это ты у нас прима-балерина. Я же помню, какая ты ходила, когда он свалил. Никто поверить не мог, что он тебя бортанул. Страшная, зеленая, я же помню. Опять хочешь?

– Да какое твое дело? Хочу, не хочу! Ты-то тут при чем?

– За тебя, дуру, беспокоюсь!

– Ой, только не надо! За детей своих беспокойся. Я за себя сама... Как-нибудь.

– Обещаешь?

Ирина дернула плечом.

– А вообще-то ты, мать, права. Нам терять нечего. Ну и закрути с ним! У меня до сих аж мороз по коже, как вспомню! Здоровый красивый бугай, взгляд, улыбка, голос! Как он хоть... в этом смысле? Хотя после тридцати они все импо. А он был в политике, знаешь, какая у них жизнь? То-то за малолеток хватаются.

– Не надоело?

– Не-а! Я на эти темы могу долго. Как это никто его не вычислил за три года? В нашей деревне все на виду. И, главное, сам, паразит, никому не позвонил! Телефончик хоть взял?

– Взял.

– Слушай, а ты что, и правда готова?

Ирина подставила бокалы. Лидка налила вино. Они выпили. Ирина чуть-чуть, Лидка залпом все. И налила себе еще.

– В смысле, если позовет. Побежишь?

– Некуда звать, – отозвалась Ирина.

– Не замуж, конечно, а для души, по старой памяти! А?

– Не знаю. Отстань!

– Значит, зацепило. Ну и не теряйся! Жизнь короткая. Еще пару лет – и пшик. Никому не нужна. Пусть хоть так. У тебя ж после Игоря никого не было, это ж сколько време-

ни даром! Квартира есть, свобода есть... Да я бы на твоём месте!

Лидку несло, взгляд стал шальным, губы растянулись в ухмылке. Она дошла до любимой темы: «Я бы на твоём месте». Дальше монолог пошел по накатанной дорожке: осточертевший Кирюша, осточертевшие нахлебники, понимай, детки, копеечные зарплаты, сто лет не было новой тряпки, полная деградация в мужиках, не на кого глаз положить. А тут вернулся прекрасный принц Гетман. И, главное, терять нечего!

В рассуждениях Лидки отсутствовала логика – она то призывала гнать Гетмана поганой метлой и не прощать, то, наоборот, не теряться и урвать свое. То есть логика была, но сиюминутная, на данный определенный момент, зависящая от градуса, а в следующий момент менялась на противоположную. Как маятник – туда-сюда. Ирина слушала вполуха и думала о Гетмане. Она все время о нем думала.

– Так что ты, мать, не теряйся! – кричала Лидка, вытрясая из бутылки последние капли себе в стакан. – А где кабачки? Заханырила? Хочу кабачков! Икры хочу! Праздника!

Под занавес Лидка позвонила Кирюше, чтобы он приехал и забрал ее из гостей.

А Ирина провела еще одну бессонную ночь...

...Он позвонил вечером. Напросился в гости. Пришел с цветами – розами на длинных стеблях. Прекрасного палевого цвета. У нее дрожали руки, когда она опускала их в ва-

зу. В гостиной он осмотрелся. Подошел к окну. Вид был хорош: старый городской парк с яркими клумбами, пешеходная улица.

– Я помню, у вас была другая квартира.

– Мы сменяли квартиру мужа и нашу старую после смерти мамы.

– Хорошая квартира, центр, – похвалил он.

Обратил внимание на ковры – сказал, необычные, никогда таких не видел.

– Муж привез из Непала. Ручная работа...

Он расположился на диване, вытянул ноги, с улыбкой взглянул ей в глаза.

– Чай? Кофе? – спросила она поспешно.

– Чай. Для кофе поздно. – Он похлопал себя по левой стороне груди.

– Сердце?

– Пока нет, но лучше побережься. Сядь, давай поговорим. Успеется с чаем.

Ирина, вспыхнув, опустилась рядом. Да что за наваждение! Прямо как девчонка!

– Как ты живешь, Ирушка? Где работаешь?

Он внимательно выслушал об архиве, индиго Иване, начальнике и коллегах.

– А я думал, ты пойдешь в школу. Хотя сейчас там трудно. В архиве спокойнее. А... – он чуть запнулся, – ... с кем ты? Она пожала плечами.

– Знаешь, после смерти мужа... Все как будто только вчера. Я никогда не умела быстро переключаться...

Последняя фраза прозвучала как упрек, и она испугалась.

– Я понимаю. Но ведь жизнь продолжается, правда? – Он не принял сказанное на свой счет.

– Продолжается. Я много читаю, Лида забегает, ходим в театр... Помнишь Лиду Кулик?

– Помню. Я всех помню. А где ребята?

– Да почти все в городе. Хочешь увидеться? Лидка бьет копытом, хочет устроить встречу. Требовала твой телефон.

– Да, интересно было бы пообщаться. Как летит время...

– А ты думаешь тут остаться? Или вернешься?

– Пока не знаю, там видно будет.

Они помолчали.

– Знаешь... – начал он. – Знаешь, я часто вспоминал тебя. Очень. Ты стала еще красивее.

Он взял ее руку, поднес к губам. Притянул ее к себе. Она потом не могла вспомнить, как случилось, что губы их встретились. Кажется, он что-то сказал, а она что-то ответила. А в следующий миг она ощутила его дыхание и губы на своих губах. Это был долгий ласковый поцелуй. Так, как целовался он, никто не целовался. Они снова были молоды, и этот поцелуй через двадцать пять лет был как первый. Он обжигал как первый. Который она помнит до сих пор. Он стиснул ее, и она вспомнила культового барда их времени: «будь понадежнее рук твоих кольцо...», которого они все то-

гда слушали. Рук кольцо...

Они целовались... Не разнимая губ, задыхаясь, в кольцо рук.

Он, наконец, выпустил ее, отодвинул. Она смотрела на него пьяными глазами; его глаза потемнели, сузились, он был похож сейчас на хищного степного кота.

– Ирка... Что ты со мной делаешь... Пойдем!

Он не мог расстегнуть запонки, рванул. Она рассмеялась. Когда-то у него была манера бросать на пол часы. Он сдирал их с руки и бросал на пол. Ее это страшно смешило. Они оба помирали от нетерпения. Часы летели на пол, со стуком приземлялись, и она начинала смеяться. «Да что ж ты... смеешься...» – бормотал он, впиваясь в ее рот. Ей казалось, у него дрожат руки. Она уворачивалась и хохотала, пока он не зажимал ей рот своим ртом.

– Ирочка... девочка... Ирушка...

Она узнавала его запах, родинку на плече, шрам на левой руке у локтя. Она могла найти его на ощупь, с закрытыми глазами.

Кажется, она вскрикнула.

– Сейчас, сейчас... – бормотал он. – Сейчас!

...Они лежали молча. Переполненные, боясь расплескать. Держась за руки.

– Спасибо...

...Потом они пили чай. За окном стемнело. В парке зажглись фонари. Оттуда долетал неясный шум толпы, шорканье ног, музыка. Он посмотрел на часы и заторопился.

Еще одна бессонная ночь. Она была переполнена... любовью? Наверное, это была любовь. Любовь, благодарность, счастье. Права Лида, какая разница? Они снова вместе. И все как тогда. Он не забыл, он ничего не забыл. Даже слова, словечки, которые говорил тогда. Словно и не было этих проклятых двадцати с чем-то лет... Не было! Все вернулось на круги своя.

Она забылась неверным сном лишь под утро, и во сне к ней пришла мысль: почему он не сказал, что жалеет? Сказал, что часто вспоминал ее, значит... любил? Почему же он не сказал, что был дурак, что раскаивается, что хотел вернуться? Но была семья, обязательства, карьера. Она бы поняла. Почему? Почему он отказал ей в такой малости? Это было бы как... цветок, розы, которые он принес, склоненная повинная голова. Это ни к чему бы его не обязывало. Он бросил ее, молодую, глупую, беременную... Правда, он ничего не знал. И ни звонка, ни открытки ко дню рождения за долгих двадцать... сколько их там натикало? Ничего! И не чувствует себя виноватым. Вот оно! Никакой неловкости, чувства вины, ничего! Он мог бы сказать, что жалеет. Бросить косточку, соблюсти приличия. Мог бы?

Не мог. Славик Гетман не мог. Правда, одна правда,

и ничего, кроме правды. Никаких ложных надежд, никаких сложностей. Отрезать, уйти, отодвинуть. Она не была нужна ему тогда, она не нужна ему сейчас. Точка. Розовые слюни (тоже из его фразочек!) из разряда «ах, он вернулся, ах, они снова вместе» могла придумать только ее глупая голова. А она вместо того, чтобы... Что? Сказать – пошел вон, я тебя ненавижу, ты сломал мне жизнь? Или продолжать делать вид, что ничего не случилось, вернулся старый друг, через много лет, приятно вспомнить былое?..

Вдруг ее обожгла мысль, что он может никогда больше не прийти. Никогда! Заглянул, убедился, что она помнит, готова откликнуться и принять, самоутвердился... Нет! Слишком сложно для Гетмана. Все проще. Пришел, увидел, взял. Элементарно. И ушел. Такая ее судьба: он будет приходить, брать и уходить. К другой. К возможным детям. А их ребенок...

И что теперь? Быть или не быть? Принять его правила, подчиниться или хлопнуть дверью и уйти? Фигурально выражаясь. У нее не получится. Она не сможет уйти. Уходить будет он. А она будет ждать... Господи! Как она ждала его тогда! Боялась отойти от телефона, слонялась под его домом, все еще надеясь. Без надежды надеясь. Пряталась в кустах, пережидая тошноту...

Измученная, Ирина наконец уснула. Так ничего и не решив. А утром, разглядывая себя в зеркале, в здравом уме, при трезвой памяти... или как там полагается... призналась

себе, что теперь в ее жизни появился хоть какой-то смысл. Что она ждала Гетмана всю жизнь. И всю жизнь надеялась. И теперь пусть будет что будет. Элементарно.

Она с наслаждением стояла под душем, горячим и холодным попеременно, с наслаждением пила кофе, выбирала платье и украшения. Во всем теперь появился смысл. И невольно улыбалась. Права Лидка, надо быть проще. Ох уж эта Лидка!

Элементарно.

Глава 4

Визит

С пестрым букетом, полная неясных предчувствий, неуверенности и даже страха, Ирина отправилась в гости к Гетману. В знакомый дом, в знакомую квартиру – на проспект Мира шестнадцать, в двенадцатую квартиру. Через двадцать с лишком лет. Он открыл ей, обрадовался. От него пахло чем-то вкусным, и был он в красном клетчатом фартуке. Он всегда любил готовить. Мужчина в фартуке выглядит трогательно и в то же время основательно. Да еще такой громадный, как Славик Гетман. Он чмокнул ее в щечку, приобнял. Поташил в комнату, крича:

– Ленушка, посмотри, кто к нам пришел!

А она вспомнила его маму Евгению Павловну, такую же большую, как сын, с гладко зачесанными волосами и узлом на затылке. Ирина ее побаивалась, у Евгении Павловны был крутой нрав. Она выговарила ей, Ирине, за мини-юбки и макияж. Когда это было... Она невольно вздохнула.

– А это Лена! – Гетман представил жену.

Лена протянула руку. Была она высокой и тонкой, в белых брюках и голубой тунике, расшитой блестящими камешками. Ирине жена Гетмана показалась очень молодой и какой-то белесой. Рука ее была маленькой и вялой. Ирина, спо-

хватившись, протянула ей букет.

– Скажи спасибо! – пошутил Гетман. – Ладно, девочки, вы тут пообщайтесь, а я на кухню!

И ушел, подмигнув Ирине. Лена махнула в сторону дивана, и они сели. Ирина огляделась. Она помнила квартиру Гетмана, но эта, новая, не шла ни в какое сравнение со старой. Громадная гостиная – около сорока метров, не меньше, шикарная мебель – массивные диваны, побольше и поменьше, массивные кресла, все в мягкой серой коже, с отделкой из полированного коричневого дерева, безумно дорого на вид; музейный, во всю стену, готический сервант с частыми медными переплетами между стекол-линз: бесцветных, бледно-лиловых, зеленоватых, желтых. Обеденный стол, тоже коричневый, на двух тумбах, вокруг – царские стулья с высокими спинками, два кресла в торцах. Ковер на полу – цвета топленого молока с деликатным бежевым и зеленым узором. Пара консольных столиков с серебром, кремовые гардины... Ирине казалось, что она в музее.

Молчание затягивалось. Лена молчала, неопределенно улыбаясь. Смотрела в окно. Ирина исподтишка рассматривала ее. Очень молодая, натуральная блондинка с нежной перламутровой кожей, без малейшего следа косметики. Со своей длинной тонкой шеей, длинными руками и ногами, она была похожа на щенка-переростка. Совсем девочка. Ирине она показалась пресной.

– Вы подруга Славы? – вдруг спросила Лена. – Слава рас-

сказывал, вы встречались когда-то. А потом он уехал.

Ирина вспыхнула, ей стало не по себе. Жена Гетмана рассматривала ее в упор, со слабой улыбкой.

– Мы учились вместе, – промямлила она. Ей было неуютно от того, что этой девочке известна их история. И еще из-за чувства вины, потому что она любовница Гетмана. Ирине казалось, что девочка-подросток видит ее насквозь. Что-то было в ее взгляде – насмешка, удивление... Во всяком случае, так показалось Ирине.

– Вы учитель?

– Нет, я работаю в архиве.

– В архиве? – Она, казалось, удивилась. – Я думала, в школе. Ну и правильно! Там жизнь спокойнее. Жить хоть можно? Платят нормально?

Ирина кивнула. Вопросы были странноватые для незнакомого человека, и Ирину вдруг осенило! Девочка воспринимает ее, Ирину, как взрослого человека, которому можно задать любой вопрос, не заботясь о приличиях. Взрослого или... старого!

– Я закончила иностранный, – сказала Лена. – В школу, разумеется, не пойду. Слава что-нибудь подыщет, правда, у нас тут и устроиться некуда. Я хочу уехать в Вену, у меня немецкий и английский, а он...

Она не закончила фразу, так как появился Гетман и радостно закричал:

– Девочки, к столу!

– У тебя красивая квартира, мне кажется, она была намного меньше, – заметила Ирина.

– Я выкупил соседнюю, убрал стены. Было три комнаты, стало пять, – кивнул он, улыбаясь. – Мебель привез из Европы; буфет с аукциона, девятнадцатый век, работа столяра-краснодеревщика из Бонна Карла Краузе. Стекла – штучная работа, подлинные, старинная стеклодувная техника.

– Вы замечательная хозяйка. – Ирина повернулась к Лене. – Все подобрано с таким вкусом...

– Это не я. – Лена пожала плечами.

– Я приглашал дизайнера, – сказал Гетман. – Он сделал около сотни эскизов, в цвете, и я выбрал это! – Он обвел рукой комнату.

– Прямо палаты! – сказала Ирина, и Гетман самодовольно усмехнулся.

В общем, посидели очень мило. Хозяйкой дома был Гетман – он приносил из кухни чистые тарелки, закуски, подавал горячее, доставал из готического буфета чашки, резал торт. Лена сидела безучастная, молчала, лишь изредка роняя слово-другое. Посуда была на уровне: необычной формы тарелки – квадратные, чашки – четырехугольные, все кремового цвета, в бледные серо-розовые цветы. «Италия», – мельком заметил Гетман. Ирина подумала с чувством, похожим на зависть, что великий человек велик во всем, даже в мелочах. Впрочем, это и была зависть, в которой она ни за что бы себе не призналась. Гетман шутил, вспоминал

учителей, их детские проказы и приколы. Много смеялись. Лена рассеянно смотрела в тарелку. Приятная домашняя обстановка, приятный дом...

– Слава, проводи Ирину, – сказала Лена, когда они уже прощались и Гетман собирался заказать такси.

– Не нужно, я доберусь сама, – возразила Ирина.

– Прекрасная идея! – воскликнул Гетман, откладывая телефон. – Хочешь с нами?

Лена усмехнулась и покачала головой.

– Я пока уберу со стола.

Они вышли, и Гетман сгреб ее прямо в подъезде, вниз. Его губы обожгли Ирину, от него пахло ликером и еще чем-то, каким-то парфюмом или лосьоном, который она уже безошибочно узнавала и который так ей нравился. Она слышала его возбужденное дыхание, чувствовала, как колотится его сердце. Нетерпеливые руки Гетмана рвали ее блузку, он бормотал что-то, кажется, повторял ее имя...

Она оттолкнула его, дрожащими руками поправила блузку.

– Ты права, могут увидеть, – сказал Гетман хрипло. – Пошли!

Они попрощались у ее дома. Гетман медлил, и Ирина поняла, что он прикидывает, не подняться ли к ней.

– Славик, спасибо за прекрасный вечер, – сказала она торопливо. – У тебя милая жена... и дом. Не нужно... я устала.

– Завтра? – полуспросил он, касаясь губами ее щеки.

Не успела Ирина переступить порог дома, как захрипел расколотый телефон на кухне. Это была, разумеется, Лида Кулик, полная нетерпения.

– Ну где ты шляешься?! – завопила она с места в карьер. – Я тут тебе уже телефон оборвала! А мобила не отвечает! Ну как? Как она тебе?

– Кто? – притворилась непонимающей Ирина. Ей хотелось подразнить Лидку.

– Да жена! Славкина жена! Как она?

– Нормально. Молодая. Блондинка.

– Ты что, нарочно? – рявкнула Лидка.

– Да не знаю я, какая! – тоже закричала Ирина. – По-моему, никакая.

– Красивая?

– Молодая. Бесцветная. Сидела молча, смотрела в окно.

– А как одета?

– Нормально. Голубая туника с камешками. А ты, оказывается, вязать умеешь!

– Я?! – опешила Лидка, и Ирина мысленно увидела, как подскочили изумленно ее брови.

– Бабушка Славика тебя учила, он вспомнил. И картошку ты у них чистила, и за хлебом бегала.

Лидка рассмеялась.

– Не за хлебом, а за Славкой. Думаешь, ты одна такая? И я бегала. Аж вспомнить страшно! Вот дурища! Думала, если

понравлюсь матери, то и Славке. Она у них была за атамана. А бабка ничего, добрая была.

– Тебе большой привет.

– Спасибо. Значит, говоришь, никакая? Я так и думала.

Его всегда тянуло на незрелых дур. Он же лидер.

– Я тоже незрелая дура, по-твоему?

– Конечно, незрелая! Он тебя бросил, а ты под его домом дежурила!

– Откуда ты знаешь?

– Ой, да все знали! Подумаешь, секрет!

– Я не хочу с тобой разговаривать! – Ирина в гневе бросила трубку.

Звонок раздался через минуту. Ирина, выдержав борьбу с собой, ответила – после десятого сигнала, прекрасно зная, что Лидка не отстанет.

– Да ладно, мать, не бесись, – сказала Лидка примирительно. – Дела давно минувших лет. Ты под домом дежурила, а я картошку чистила. Мы ж были дурные, как котята, и наивные. Какой дурак сказал, что юность – самое прекрасное время? Вспомни, какое горе, какие мучения, любит, не любит, плюнет, поцелует! Дергало туда-сюда, во все стороны, все трагедия, чуть что не так – сразу вешаться! И первая любовь – тоже горе! Это потом кажется, что счастье, когда уже ни чувствовать так, ни любить. Ты думаешь, он ее любит?

– Не знаю. Ее не за что любить. Она... никакая! – Слово вырвалось – и Ирине стало стыдно: неужели она ревнует?

– А она его?

– Не знаю. А ты бы могла любить мужика на двадцать лет старше? Не в свои сорок с гаком, а в восемнадцать?

– Я – нет! А эти, теперешние молодые, не знаю. Я тебе не говорила, у Севки был роман с бабой на тридцать лет старше.

Сева был старший сын Лидки.

Ирина рассмеялась.

– Ага, тебе смешно, а я думала, тронусь! Как подумаю, меня аж наизнанку выворачивает!

– И что?

– А ничего. Перебесился. А тут типичный брак по расчету. Ей – положение, деньги, статус. Ему – молодая, неопытная, дурная, в рот заглядывает – игрушка! А для постели он найдет себе... – Она осеклась и мигом переключилась: – Сама знаешь, как трудно сейчас найти стоящего мужика! Гетман всегда умел жить. Победитель. И что ты думаешь?

– О чем?

– Обо всем. Что теперь? У вас с ним что-то...

– Я с ним переспала, – брякнула Ирина.

– Иди ты! – не поверила Лидка. – Правда? Вот гад! Ничего не упустит! И как?

– Хорошо. Знаешь, мы как будто не расставались.

– Думаешь, он ее бросит?

– Мне все равно.

– Не бросит, и не надейся! – припечатала Лидка. – У него

все рассчитано. Любовь, страсти-мордасти... Он же холодный, он живет головой. Даже в школе! Вспомни...

– Не хочу! Мы все разные. Он холодный, а ты картошку чистила.

– Ага. Представляешь, какая дура? Ну и чего? Будете и дальше трахаться?

– Будем.

– Ну и правильно! С паршивой овцы хоть шерсти клок. Эх, завидую я тебе, Ирка! Раньше думала, что ты дура, а теперь завидую. А я уже неспособна гореть. А если опять бросит? Переживешь? Или в петлю полезешь?

Ирина рассмеялась. Лидка тоже рассмеялась.

Глава 5

Безнадега

...И потянулся их роман – окольными тайными кривыми тропами. Гетман приходил под вечер, приносил цветы – палевые розы на длинных колючих стеблях. Они слегка перекусывали – дома его ждал семейный ужин. Рассказывал о работе. О том, что Лена хочет уехать – наверное, она права, тут ловить нечего, его должность ему не по рангу, он уже наводит мосты. Была в нем его обычная уверенность хозяина жизни, у которого все схвачено. Свою жизнь он делал сам. Он всегда знал, чего хочет.

Ирина махнула рукой на свои обиды и недоумение и пустилась во все тяжкие. Не ходила, а летала. Смеялась по любому поводу и стала одеваться в яркие светлые одежды. Что не преминул отметить журналист, который с утра до вечера сидел у них в архиве, собирал материал для книги. Стал заходить к ней в кабинет покалякать за жизнь. Приятный мужик, бывалый, умный. Стал звать то поужинать, то в театр, где режиссером его друг. Она отказывалась. Могла бы, конечно, сходить с ним в театр, почему бы нет, он ей нравился, но... А что дальше? Она была полна Гетманом.

Она понимала, что их отношения – тупик. Что история повторится – он уедет. Хорошо, если зайдет попрощаться.

Уедет-не уедет, плюнет-поцелует, к сердцу прижмет, к черту пошлет... Он приходил, и она открывала дверь. Она ничего не могла с собой поделать. Судьба?

Однажды ночью она расплакалась. Во сне. И потом не могла вспомнить, что же такое ей приснилось.

Звонила Лидка. Интересовалась, как жизнь. Тоже куда-то звала, на какую-то выставку, но Ирина отказалась. Лидка проорала что-то насчет идиотов, которые портят себе жизнь и ничему не учатся, и про грабли. Ирина не стала слушать, отключилась. Она снова чувствовала себя школьницей – идя с работы, делала крюк, чтобы пройти мимо его дома. Она снова была молодая, глупая, переполненная первой любовью, с той только разницей, что теперь она знала, что будет дальше. Судьба. Карма. Как говорят, что на роду написано.

Она полюбила бродить одна по парку, что рядом с архивом. Уходила на весь обеденный перерыв. Стояла середина августа, было жарко и сухо, уже падали первые пожелтевшие листья. Пахло грибами и немного пылью. Мелькала в сосне рыжая белка, попискивали невидимые птицы. Городские шумы долетали сюда невнятным гулом.

Парк был безлюден в это время. Эхо подхватывало звук ее шагов. Она бродила по неровным асфальтовым аллеям, поднималась по скрипучим деревянным ступенькам на террасу, подолгу задерживалась у ограды и смотрела на реку. Синяя сверкающая река, безмятежные оливково-зеленые луга насколько хватает глаз, лес на горизонте. И длинная белая по-

лоска пляжа. Они прибегали сюда школьниками...

Она расплакалась...

У себя в кабинете она дрожащими руками достала из стола пачку сигарет, закурила. Высморкалась. Вытерла слезы. Но они все катились. Она испытывала глухое невнятное сожаление, тоску и боль... Что-то рушилось в ее жизни, уходило окончательно и бесповоротно. Ей было жалко себя, стремительно падающую в глухую черную пустоту.

В дверь постучали. Вошел журналист.

– Сергей Иванович! – вспомнила Ирина. Взглянула вопросительно.

– Ирина Васильевна, у нас сегодня большой праздник, – сказал он шутливо. – У меня день рождения, стол накрыт. Не откажите великодушно!

Присмотрелся к ней, подошел ближе.

– Что-нибудь... случилось?

– Случилось, – сказала Ирина, ткнув окурком в пепельницу. – Давно уже.

– Может, я...

– Я пошутила. Ничего не случилось. А шампанское есть?

– Есть!

– А торт?

– А как же! У нас в архиве все есть. Большой такой, с розочками.

– С розочками? – воскликнула она с энтузиазмом. – Сто лет не ела торта!

– Осторожнее открывайте! – беспокоился Сократ Сигизмундович. – Не дай бог, в окно! Стекла нынче дороги, не напасешься!

Журналист опрокинул бутылку в подставленные стаканы. Шампанское пенилось, переливалось через край. Дамы вскрикивали.

– За именинника! – громко сказала Ирина и выпила залпом. Тут же опьянела и расхохоталась. Подумала: «Истеричка!» – и подставила стакан снова.

– За свободу печати!

Сергей Иванович поглядывал с восхищением. Зоя Петровна, тонко улыбаясь, соединяла их взглядом. Индиго Иван пить отказался, но за милую душу наворачивал бутерброды с колбасой. Вид у него был сосредоточенный – не иначе как думал о космосе. Сократ Сигизмундович заикнулся было о недопустимости распития алкогольных напитков в рабочее время, но его мигом окоротили – пятница ведь! Никто и не сунется – ни начальство, ни клиенты. А тут такой случай! Сократ Сигизмундович неохотно позволил себя уговорить и даже выпил немного, чтобы не отрываться от коллектива. Отошел к окну с бутербродом и стоял там, весь в мучительных раздумьях.

Впервые за много дней Ирина не спешила домой. Он будет звонить? Пусть! При мысли о Гетмане она начинала хохотать и уже не понимала, смеется или плачет. Она сидела на столе,

пила шампанское и болтала ногами.

– Я думал, вы совсем другая, – сказал Сергей Иванович, присаживаясь рядом.

– Какая же? – вызывающе просила она.

– Сухарь! Строгая! А вы такая... красивая!

– А как ваша книга?

– Книга? Это не книга, а пьеса. Мой друг, режиссер Молодежного театра... Да вы знаете, наверное, Виталий Вербицкий... Его в городе все знают! – Он хмыкнул. – Попросил написать пьесу, что-нибудь этакое, краеведческое, водевильно-детективное из истории города.

– Водевильно-детективное? И для этого нужно сидеть в архиве? – изумилась Ирина.

– Да я не из-за пьесы... – сказал журналист, с улыбкой глядя ей в глаза. – Пьесу я давно закончил. Я из-за вас тут сижу. Как пацан, честное слово! Даже не ожидал от себя.

Ирина вспыхнула от неожиданности и не нашла, что сказать. Открыла и закрыла рот. А он сидел на краю стола в небрежно расстегнутом твидовом пиджаке с обвисшими карманами, без галстука, в синей футболке. Нормальный живой мужик. Ждал ответа, не отводил взгляда. Глаза – серые, подбородок – квадратный, с ямкой, рот – решительный. А только что ж тут скажешь?

– Дадите почитать? – наконец сообразила она.

– Можно увидеть. Сегодня премьера. Пойдем?

Она кивнула неуверенно. И вдруг спросила:

– А вы верите в судьбу?

Он ответил не сразу, видимо, удивился.

– В каком смысле?

– В смысле, что все заранее расписано.

– Никогда об этом не думал. Разве не человек выбирает?

– Но выбор тоже расписан!

– То есть что-то определяет за нас?.. Что же *оно* определяет? – Он задумался, улыбаясь. – Кушать на завтрак яичницу или овсянку?

– Но говорят же – судьба! – Ирина уже и сама не знала, чего добивается.

– Говорят. Я всегда думал, что судьба и жизнь в некотором роде синонимы. А все остальное – выбор. Яичница или овсянка.

– Но ведь человек все время делает одно и то же! – воскликнула она в отчаянии.

– В смысле, все время наступает на одни и те же грабли? Я правильно понял?

– Да! Бегают по кругу! И не может освободиться...

– Зависит от человека, наверное. Извините, Ирина, это все очень тонко для меня. Можно сказать, что судьба – это выбор. Человек выбирает в силу своего характера, желаний... Разве нет? Согласен, часто бегают по кругу, но это ведь его выбор. Так ему нравится, он хочет бегать по кругу. Или не имеет ничего против. А в такие вещи, как рок, фатум, изначальная заданность и прочая, я не верю. Все это лишает

иллюзий, что от нас что-то зависит. А что мы без иллюзий? – Он рассмеялся.

– Наверное... – Ирина уже погасла.

– Интересная тема после шампанского. Я помню наш пацанский треп у костра: судьба, выбор, предназначение. Прекрасное было время! Нам казалось, мы все понимаем... В отличие от родителей, погрязших в буднях. Что у нас все будет иначе. А потом сами погрязли. Как сказал один автор: *корабль наш проплывает мимо туманных берегов несбывшегося, а мы толкуем о делах дня...* Тоже судьба.

– Вы считаете, разговоры о судьбе – признак незрелости?

– Ну... не так прямолинейно. Просто человек чаще задает себе вопросы, на которые нет ответа именно в юности, когда познает мир, а потом привыкает, что ответа нет. То есть однозначного нет. – Он замолчал. Потом добавил: – Какой-то философский получается у нас разговор. Вы удивительная женщина, Ирина...

– Значит, нет судьбы? – Она смотрела на него так серьезно, что шутка замерла у него на губах.

– Нет, – сказал он твердо. – Выбор. Честное слово!

– Спасибо. Вы... Спасибо!

Они помолчали. Ирина сосредоточенно смотрела в печь, где дымился окурок. Голова кружилась от шампанского. Комната слегка покачивалась, круглое окно подмигивало. Действительно, какие-то идиотские вопросы... дамские. Незрелые. Права Лидка! С какого боку тут Лидка,

она не сумела бы объяснить. И Сергей Иванович, наверное, прав. К черту!

– Так мы идем в театр? – спросил Сергей Иванович. – Можно без цветов. Виталик очень просил, собирается представить меня публике. А я человек робкий, пугливый. Мне нужна моральная поддержка.

Ирина рассмеялась и кивнула...

«Я сошла с ума! Это не я, это чужая незнакомая женщина, и одному Богу известно, на что она способна. Мы же ничего о себе не знаем!...»

Так думала Ирина ночью, лежа без сна в своей спальне, а за окном уже намечался серый рассвет. А рядом спал, похрапывая, журналист Сергей Иванович. Она чувствовала его тепло, хотя отодвинулась на край кровати... И представляла себе, что это не журналист, а Гетман, который ни разу не остался у нее на ночь...

«Я тебя ненавижу, ты разбил мне сердце! – прошептала она, стараясь не всхлипывать. – Господи, что же делать? Как разорвать? – Она повернула голову, посмотрела на мужчину рядом и не испытала ничего, кроме стыда. – Недужно, ненужно... Какая дура, зачем? Что же делать?»

Журналист открыл глаза, улыбнулся. Ирина вспыхнула. Он протянул руку, погладил ее по щеке. Ирина отпрянула.

– Что с тобой? Ты плачешь? – Он привстал на локте, рассматривая ее в полумраке. – Что случилось? Я тебя обидел?

Ирина помотала головой.

– Рассказывай, – сказал он негромко, и было что-то в его голосе – сталь и лед, – отчего Ирина внутренне поежилась... – Судьба или не судьба, разберемся...

И она выложила ему все – захлебываясь от стыда и облегчения, – словно перекладывала бремя со своих плеч на его. О детской роковой любви, беременности, возвращении в прошлое... Безо всякой надежды!

Странная складывалась ситуация! Они разделили постель вчера вечером, Ирина чувствовала, что нравится ему, знала, что он одинок, казалось бы – что мешает... Что мешает? Гетман стоял между ними. Человек, которому она не нужна, ни тогда, ни сейчас, бросивший ее, забывший ее... Что это с его стороны? Самоутверждение? Каприз? И кто она для него? Безотказная подруга? Выброс адреналина? И это любовь? Прочь такую любовь!

Журналист слушал молча, с каменным лицом. Ирине стало стыдно – они лежали нагие, под одной простыней, и она рассказывала ему о своей рабской зависимости от другого мужчины...

Он лежал, забросив руки за голову. Смотрел в потолок. Ирине был виден его темный сосок, впалый живот...

– Отвернись, – попросила она. – Я встану, сделаю кофе.

– Не нужно. Лежи.

Он встал, не стесняясь своей наготы, сгреб одежду и пошел из спальни. Десять минут спустя хлопнула входная

дверь, и наступила тишина.

Вот и все. Еще одна страница – даже не глава – ее непутевой жизни. А сказал, разберемся...

Глава 6

Убийство

– Девчонки, тачка! Ловите! – Стайка девушек, шумная, смеющаяся, бросилась через дорогу к желтой машине с гребешком «такси» на крыше, припаркованной на противоположной стороне улицы. Одна из них рванула дверцу со стороны пассажира, заглянула внутрь и завизжала. Визг подхватили подружки. Стали останавливаться редкие прохожие. Раздались голоса: «Что случилось?» «В чем дело?» «Чего орать-то?»

Кто-то заглянул в машину и отпрянул:

– Водителя убили! Вся голова в крови!

Вскрикнула какая-то женщина, за ней другая. Стали раскрываться окна, кто-то выскочил из подъезда, подбежал. Любопытных прибывало. Прохожие, завидев толпу, бежали узнать, в чем дело.

Через двадцать минут примчался, завывая сиреной, патруль, затем оперативно-следственная бригада. Люди стали рассасываться. Желающих записываться в свидетели не было. В конце концов, остались три плачущие девушки.

В машине были включены фары ближнего света и красные габаритные огни – она была как на витрине. Окно со стороны пассажира опущено. На улице было темно – редкие фона-

ри освещали слабо. Водителя звали Егор Кириллович Овручев, работал он в такси-сервисе «Орион». Капитан Николай Астахов взял бормочущий микрофон, представился. Ему ответила девушка-диспетчер номер тридцать шесть.

– Как вас зовут, – спросил капитан.

– Валя Удовенко, – ответила диспетчер. – Что случилось? Гера не отвечает... Что?

Капитан спросил, когда в последний раз она разговаривала с Овручевым. Девушка подумала и ответила, что сорок минут назад передала ему заказ на Пятницкую тринадцать. Егор как раз высадил пассажира на Стрелецкой сорок шесть; он принял заказ и поехал на Пятницкую. Это было... – она запнулась, – в десять двадцать две. После этого он не отвечал!

Капитан посмотрел на часы – было одиннадцать пятнадцать. В десять двадцать две, то есть пятьдесят три минуты назад, Овручев принял новый заказ, а спустя несколько минут был убит, не успев отъехать от дома номер сорок шесть по Стрелецкой, где высадил пассажира.

– Что случилось? – повторяла она. – Где Гера? – В голосе слышался испуг.

– Когда началась его смена?

– В семнадцать ноль-ноль... Шесть часов назад, – ответила диспетчер и вдруг спросила: – Он жив? Мне звонили с Пятницкой, он не приехал и не отвечает.

– Он не сказал, может, собирался взять кого-нибудь по до-

роге? Мужчину, женщину? Возможно, вы слышали какие-то звуки в салоне – голос, кашель... что угодно?

– Да разве у меня есть время прислушиваться? – сказала она и повторила: – Что с ним? Он жив?

– Почему вы спросили?

– Полгода назад у нас убили таксиста, забрали выручку. У него и было всего ничего, только заступил. И не нашли. И теперь... Гера. Тоже вечером, в одиннадцать.

– Мне нужны телефоны заказчиков на Стрелецкую сорок шесть и на Пятницкую, – сказал капитан.

– Минуточку!

– Давайте. На Пятницкой... Какой номер дома, вы сказали?

– Тринадцать. Пишите. – Девушка продиктовала номера телефонов.

Он записал и позвонил по первому – клиенту со Стрелецкой. Там откликнулись сразу. Трубку взял мужчина, видимо, немолодой. Подтвердил, что домой приехал на такси... Когда? В десять с минутами, точное время назвать не может. Может, четверть одиннадцатого, не позже. Был у друга на дне рождения, на проспекте Мира. Ну, выпил, как водится, и решил добираться на такси – до Стрелецкой не ближний свет. На улице он никого не видел, может, и были люди, но он не обратил внимания. Было холодно, обещали дождь, в центре в это время людно, а у них на Стрелецкой почти никого.

– А что случилось? – спросил он.

– То есть вы видели, что таксист уехал пустой? – уточнил Коля. – Он заезжал во двор?

– Нет, остановился на улице. Мой подъезд выходит на улицу. По-моему, сразу уехал. Я как-то... не обратил внимания. Спешил домой, замерз, забыл плащ у Кости... Это мой друг, чей день рождения, а у меня радикулит.

– Вы слышали голоса, возможно? Возможно, дверца открылась или захлопнулась?

– Нет, голосов не было. И дверца тоже... Я никого не видел... Да и не смотрел. А что случилось? – повторил он.

– Спасибо и спокойной ночи, – сказал капитан Астахов и отключился.

Женщина, ответившая по второму телефону, долго не могла взять в толк, чего от нее хотят. Такси она заказывала, но машина не приехала, а ей нужно было на вокзал встречать дочку с внуком, и, главное, не перезвонили и не дали другую машину, безобразие! Она этого так не оставит! Дозвонилась до оператора и все ей высказала. Такси пришлось ловить прямо на улице... И так далее. Только что добрались домой, слава богу!

Никаких ниточек, ведущих к убийце, не просматривалось. Картина складывалась следующая. Овручев высадил пассажира у дома сорок шесть, не успел отъехать – машина еще была на ручнике, – как его застрелили, видимо, через открытое окно. Был произведен один выстрел – в лобную

часть головы. Следов ограбления выявлено не было, выручка на месте, равно как и документы. Убийца даже не потруился забрать гильзу – она закатилась под переднее колесо, там ее и нашли.

Завтра криминалисты доложатся насчет отпечатков... Хотя какие отпечатки? Убийца, скорее всего, даже не прикоснулся к машине. Займутся гильзой, определяют оружие, если повезет; следствие пойдет своим чередом, но у капитана Астахова было чувство, что дело закручивается какое-тодохлое. Впрочем, его всегда мучили дурные предчувствия, поскольку он был скорее пессимистом по жизни, чем оптимистом...

Глава 7

Триумвират

– Савелий! – воскликнул Федор Алексеев², шарахаясь от дружеской руки Савелия Зотова, от души приложившего его по спине. Савелий не ожидал подобной реакции и испуганно отдернул руку. Несколько исписанных листков упали на пол.

– Федя, ты что? Я не хотел, – залепетал Савелий. – Я окликнул, а ты не ответил, я и хлопнул тебя! Извини! – Он нагнулся, собирая с пола листки.

– Я задумался. – Федор перевел дух.

– О смысле жизни? – не удержался Савелий, кладя листки на стол.

– О нем. О чем еще может задуматься всякий уважающий себя философ? Тем более профессия располагает к стоическому восприятию окружающей действительности.

Федор Алексеев преподает философию в местном университете, где пользуется заслуженным уважением коллег и любовью студентов, которых он называет студиязусами, учнями и недорослями – под настроение. Иногда, правда, ва-

² Федор Алексеев, Коля Астахов, Савелий Зотов – персонажи ряда романов, в т. ч.: «Убийца манекенов», «Шаги по воде», «Лев с ножом в сердце», «Свой ключ от чужой двери», «Лучшие уходят первыми» и др.

гантами, но это уже высший пилотаж. Студиозусы, учни... и так далее, хотя и любят Федора, но спуску ему не дают – устраивают дурацкие приколы, задают каверзные вопросы, а однажды надели его знаменитую черную шляпу с широкими полями на Коперника, чей бронзовый бюст украшает вестибюль факультета, хотя философия не имеет никакого отношения к великому астроному. Обезьянничают также с клетчатым шарфом Федора и трубкой – его последней культовой фенькой. По убеждению Федора, трубка помогает сосредоточиться, даже незажженная. Любо-дорого посмотреть со стороны на семинар в любимой Федором аудитории-амфитеатре: на скамьях от подиума до потолка, как птицы на жердочках, сидят молодые люди – парни и девушки, – с многослойно обернутыми вокруг шеи черно-зелеными клетчатыми шарфами, а парни в придачу с незажженными трубками в зубах, которые они картинно «курят», причем некоторые для правдоподобности пыхтят и кашляют. А на подиуме «вышивает» Федя-Философ в таком же шарфе и с трубкой в нагрудном кармане пиджака.

Но Федору палец в рот не клади! У него свое убийственное оружие – эрудиция, логика и чувство юмора. Попасться ему на язык – удовольствие ниже среднего. Кроме того, его опыт работы с молодняком тоже с весов не скинешь – в свое время он служил в детской комнате милиции и насмотрелся всякого. А также оперативником – пока, по его собственным словам, не сменил военный мундир на академическую то-

гу. Голыми руками его не возьмешь, но договориться всегда можно. Достичь консенсуса и компромисса. Ему принадлежит крылатая философская фраза, повсеместно цитируемая студиязусами: «Здоровый компромисс – двигатель прогресса». И еще одна: «Здоровый диалог – залог взаимопонимания». Были и другие, законспектированные и цитируемые, но эти две явили собой «потолок», по выражению студиязу-са Лени Лаптева, летописца и биографа Федора.

Плюс романтический ореол бывшего оперативника, этакого капитана ноль-ноль-семь, который до сих пор (только это строго между нами и не для прессы!) преследует, стреляет, вяжет *ооп* (особо опасных преступников!), дерется, а главное – аналитически соображает, и без него оперативники пребывают в перманентном тупике и тумане. Весь в боевых шрамах, иногда с фингалом под глазом...

Да, о таком *препобе* можно только мечтать! Предмет зависти до зеленых соплей всей бурсы.

– Садись, Савелий, – пригласил Федор. – В ногах правды нет. Капитан уже на подходе, если не «дернут» по дороге.

Действие происходило в излюбленном месте сбора троицы – баре «Тутси». Федор Алексеев пришел раньше – так сложилось, и в ожидании друзей заканчивал начатую накануне статью. Савелий Зотов пришел, как всегда, вовремя. Он человек слова и дела, и пунктуален до безобразия. Хотя как творческий работник должен быть скорее разгильдяем. Савелий – главный редактор местного издательства

«Ар нуво», человек, воспитанный на чтении дамских романов, как того и требует его работа, а потому несколько оторван от реальности, на что ему часто указывает капитан Коля Астахов из убойного отдела, третий член спетого коллектива.

Капитан Коля Астахов, наоборот, всегда опаздывает, несмотря на то что он человек военный. Работа у него такая: ненормированный рабочий день, все на бегу, на нервах, в неурочное время – пожрать некогда! Капитан, когда жизнь становится совершенно невыносимой, грозит уйти к брату в бизнес – снимает, таким образом, стресс, прекрасно понимая, что в бизнесе ему будет еще невыносимее по причине сильно развитого классового чутья и подхода.

– А что ты пишешь? – спросил Савелий Федора.

– Попросили статью для «Философского вестника», – скромно ответил Федор. – Пытаюсь... в силу опыта и возможностей.

– Поздравляю! А о чем? Какая тема?

– Философия и технология. О том, как общество меняется в ходе технологического прогресса, и о задачах социальной адаптации в двадцать первом веке.

– Понятно, – покивал Савелий. – Интересная тема.

– Интересная. Коньяк будешь?

– Ну... немножко, – ответил Савелий, который пил исключительно за компанию, не получая от этого ни малейшего удовольствия.

– Ага, киряем, значит! – раздался у них над головами громкий голос капитана Астахова. – Союз пьющей творческой интеллигенции!

– Коля! – обрадовался Савелий. – А мы тебя ждем!

– Ага, вижу, заждались! – Капитан упал на свободный стул. – Что новенького в мире науки?

– Федор пишет статью в журнал, – сообщил Савелий.

– Насчет смысла жизни? Лучшие умы работают, а смысла все нет?

– Смысл меняется в каждую историческую эпоху, – парировал Федор.

– Фигня! Смысл жизни не меняется и в каждую историческую эпоху один и тот же! – заявил капитан.

– Интересно послушать.

– Слушай, не жалко. Наши предки сидели в пещере, каждый проталкивался поближе к огню и старался урвать кусок мяса побольше, причем из горла соплеменника. Через пару тысяч лет – спал и видел, как заиметь побольше рабов, обогнать соседа, завалить чужую бабу и...

– Завести прогулочную галеру, – подсказал Савелий.

– Именно. А сейчас – бабки, крутая тачка, счет за кордном. Мораль, нравственность... Не смешите! И что изменилось, а, философ?

Федор загадочно молчал, улыбался.

– Ну! – подтолкнул его капитан.

– А куда девать в раскладе того неандертальца, который

нарисовал бизона? – спросил Федор. – Сообразил, где взять цветную глину, не поленился, принес в пещеру и нарисовал? Я почему-то уверен, что он не толкался локтями и не вырывал из горла.

– Не факт, может, толкался. А с другой стороны, извращенцев всегда хватало, – сказал капитан. – Известный вам Ломброзо считал, что все гении – психи. Потому и не толкаются. У них другие задачи по жизни. Хотя, по мне, лучше бы толкались, а то никогда не знаешь, что выкинут.

– Многие нормальные тоже не толкаются, – заметил Савелий.

Капитан и Федор рассмеялись.

– Наш Савелий не толкается, – сказал Федор. – Я тоже не толкаюсь. И мы не психи. Психи не мы. Да и ты, капитан, не шибко толкаешься, хоть и не псих. И не гений. Или гений? Как по-твоему, Савелий, наш капитан гений или не гений?

Савелий замялся на миг и сказал:

– В своем роде, я думаю.

– Так я и знал! – иронически пробурчал капитан. – Вместо серьезной философской дискуссии – идиотские приколы.

Федор разлил коньяк, взглянул вопросительно.

– За гениев! – сказал Савелий.

Капитан скривился, но возражать не стал. Выпили.

– А что на местном криминальном фронте? – спросил Федор, закусив долькой лимона.

– Ничего хорошего, – с горечью ответил капитан.

– Кто? – спросил Федор.

– Таксист. Второе убийство за последние полгода. Они собираются бастовать и требовать разрешения на ношение оружия, и я их понимаю. Опасная профессия.

– Что-то уже есть?

– Да почти ничего. Зовут Егор Кириллович Овручев... Вернее, звали, был застрелен двадцатого августа. Высадил пассажира на Стрелецкой сорок шесть, принял заказ от диспетчера на Пятницкую тринадцать и... схлопотал пулю. Дело было вечером, примерно в десять двадцать две. Стреляли через открытое окно, со стороны пассажирского сиденья. Возможно, убийца подошел к машине, таксист принял его за клиента, опустил окно и получил пулю. Свидетелей нет.

– А пассажир, которого он вез?

– Ничего. Старик лет семидесяти, возвращался со дня рождения, выпил... Сами понимаете. Ничего не слышал, ничего не видел. Туговат на ухо, мне пришлось кричать. Соседи тоже ничего не слышали – все под зомбоящиком, а там боевики с перестрелками, не поймешь, где стреляют. Прохождение, возможно, были, но мы их не выявили. Допускаю, что ствол с глушителем, хотя не факт. Женщина с первого этажа говорит, что курила на балконе... Балкон выходит во двор, и видела, как кто-то бежал через двор примерно в это время. В черной одежде, в кроссовках, видимо, так как передвигался бесшумно. Таким образом, у нас в руках суперважная информация о том, что убийца, если это был он, прекрасно

ориентировался в темноте в чужом дворе. Ружья у него она не заметила.

– Ружья? – переспросил Савелий.

– Капитан шутит, Савелий. Убийца использовал пистолет, скорее всего. Что насчет гильзы? Забрал?

– Нет, гильзу нашли. Он не сумел ее найти, было темно, она закатилась под переднее колесо. Или не захотел. Пистолет девятого калибра, нигде не зарегистрирован; гильза производства Швейцарии. Раньше этого добра крутилось много, кое-что осталось. Да и сейчас... Он только высадил пассажира, не успел снять машину с ручника, как появился убийца. Обнаружили его девчонки – увидели с другой стороны улицы такси и бросились через дорогу ловить...

– А тот, первый таксист тоже был застрелен?

– Нет, его ударили по голове. Там ясно – типичное ограбление. А здесь ничего не взято, убийца стрелял снаружи, к дверце, скорее всего, не прикасался. Выстрелил и сразу убежал.

– А что за человек убитый?

– Как я уже сказал, его звали Егор Кириллович Овручев, работал водителем восемь лет, последние три года в такси-сервисе «Орион». Сорок пять лет, характер нордический, крутой. Были конфликты на работе и с пассажирами. Одного он выкинул из машины и ударил. Мы его нашли – учитель ботаники и зоологии, настоящий ботаник в очках – у него алиби... Да ему и алиби не надо – не тот типаж. Помнит он

этого водителя, у них был конфликт: в дороге он два раза менял пункт назначения, а водитель сказал, чтобы не морочил голову, а он возразил, что имеет право, а тот сказал, что тоже имеет право и выкинул ботаника из машины и, кроме того, ударил кулаком по спине.

– Нервный, однако.

– Нервный. С коллегами тоже были разборки, но это вроде дело внутреннее и семейное. Таких, чтобы доходило до смертоубийства, не было.

– Семья?

– Женат, детей нет. Супруга работает барменшей в «Манхэттене», кто не в курсе – это такой крутой джазовый бар в американском стиле, с ковбоями. Она в костюме ковбоя... то есть ковбойши, за стойкой, в тот вечер была на смене – с восьми вечера до трех утра, никуда не отлучалась. Говорит, мужу звонила в половине десятого – узнать, как жизнь и вообще. Получается, примерно за час до убийства. Врагов у жертвы не было, во всяком случае, *таких* врагов.

– Может, убийца просто не успел ограбить? – предположил Савелий. – Его могли спугнуть. Потому и гильзу не поднял.

– Трезво мыслишь, Савелий. – Капитан скользнул взглядом по недопитой рюмке друга. – Может.

– Что за человек жена? – спросил Федор.

– Жена как жена... Барменша, одним словом. Зовут Светлана. Крупная, здоровая, привыкшая к пьяным пристава-

ям клиентов, умеет дать отпор. Как вы понимаете, не воспитательница в яслях.

Федор хмыкнул.

– Жили нормально. Соседи говорят, были скандалы. Гера был крутой мужик, ревновал супругу по месту работы. Однажды набил морду клиенту бара, с трудом замяли. Требовал, чтобы жена уволилась, но место хлебное, и она не спешила. Как я понимаю, он тоже не настаивал, только по пьяни. У них дом в Посадовке, оба неплохо зарабатывали.

– Как она приняла сообщение о смерти мужа?

– В обморок не упала, если ты об этом. Побледнела, руки дрожали, не могла выговорить ни слова. Один из официантов налил ей стакан водки, и она зашарашила залпом...

– Ты думаешь, она замешана? – спросил Савелий.

– Откуда я знаю? Рано еще делать выводы. Поговорил с коллегами из бара, официантка Диана, подруга Овручевой, проговорила, что Герка ревновал ее к столбу, самолично забирал после работы, требовал звонить каждый час с докладом. И звонил сам. И на этой почве были скандалы. Но у Светы никого не было, она женщина серьезная, домашняя.

– Она пьет? – спросил Федор.

– Как я понимаю, там работают не только трезвенники. Наш Митрич тоже не абстинент.

Они посмотрели в сторону бара, где, как в разноцветном аквариуме, покачиваясь, плавал большой толстой рыбой бармен и хозяин «Тутси» Митрич. Заметив их взгляды, он

улыбнулся и дружески помахал рукой. Они были его любимыми клиентами.

– Допускаю, что она пьющая, – сказал капитан, – уж очень красиво, не по-женски, опрокинула стакан. И только потом заплакала.

– Что именно ты ей сказал? – спросил Федор.

– Что ее муж убит, сказал, что мы сделаем все от нас зависящее... Ненавижу сообщать родственникам!

– Она не спросила, как, где... И вообще?

– После стакана водки она мало что соображала.

– А как же вы найдете... убийцу? – спросил Савелий.

– Как... Известное дело, как. Пройдемся по связям, по дружбанам... Что-то мне подсказывает, что это не случайное убийство, и они могли быть знакомы – убийца и жертва. Еще раз поговорю с женой. Знаешь, Савелий, как оно бывает: живут вместе и готовы утопить друг друга в ложке воды, уж поверь, мы с Федором насмотрелись. Будем работать, Савелий... – Он помолчал. – Может, хватит о работе? Федя, наливай! За что пьем, Савелий? Как, кстати, твои?

– Зосенька с Настенькой в Евпатории! Уже неделю.

– О! – обрадовался капитан. – Так ты у нас бобылем вышиваешь? То-то я смотрю, не дергаешься насчет времени и кираешь уже по второму кругу! А посему предлагаю выпить за свободу!

Глава 8

Девочки. Вечер дня последнего...

Ей удалось задремать, впасть в сон – утренний, неверный и хрупкий. Разбудил телефонный звонок. Она взглянула на будильник – было восемь. Схватила трубку. Из трубки раздался возбужденный голос Лидки:

– Спишь?

– Что случилось? – пробормотала Ирина.

– Кирка проезжал мимо твоего дома и видел Гетмана! Он что, курит?

– Что ты несешь? Кто курит? – Ирина с трудом проснулась. Трещала голова. Восемь утра. Проспала! Тут она с облегчением вспомнила, что, кажется, суббота.

– Гетман! – торжественно выкрикнула Лидка.

– Он что у тебя, работает по субботам?

– Кто?

– Кирка!

– При чем здесь Кирка? Я про Гетмана!

– При чем здесь Гетман?!

– Кирка видел Гетмана в окне твоей кухни, – отдельно произнесла Лидка. – Теперь понятно? Проезжал мимо и видел. Да, он работает по субботам, потому что семья кушать хочет.

– А курил кто?

– Гетман! – закричала Лидка. – Ты что, с бодуна? А говорила, не остается! Или у вас все тип-топ?

Ирину словно жаром обдало! Она вспомнила о журналисте Сергее Ивановиче и застонала.

– Ты меня разбудила, – сказала обличающе, – я всю ночь не спала!

Сказала – и пожалела, потому что Лидка тут же ехидно спросила:

– Интересно, с чего это вдруг? И кто же он, таинственный незнакомец с сигаретой?

– Кирюше привиделось, – сделала слабую попытку защититься Ирина.

– Не свисти! У Кирки глаз – алмаз, он твои окна знает! Ну?

– Отстань! Позвони через два... три часа. Я отключаюсь!

Она действительно отключила телефон, упала на подушку и накрылась одеялом с головой. Но заснуть снова ей было не суждено. Сосед-спортсмен сверху принялся таскать гири и с рывканьем «хэ-э-к-к» бросать их на пол, где-то заработала дрель и заплакал ребенок за стеной. Проворочавшись до десяти, Ирина встала – измученная, несчастная, сонная – и побрела в ванную. Стараясь не попадаться себе на глаза в зеркале, она шагнула под душ.

Потом уселась на табурет на кухне и задумалась, тупо глядя в стол. Она вздрогнула от звонка в дверь и выпрямилась.

Звонок повторился. Через минуту в дверь забухали кулаками.

Лидка влетела в прихожую и уставилась на Ирину.

– Ты жива?

– Как видишь...

– А чего телефон не включила? Ты завтракала?

– Нет, кажется...

– Кофий будешь?

Ирина вспомнила, как она предложила кофе журналисту, а он... И заплакала. Лидка подсунула ей салфетку, включила кофеварку и полезла в шкафчик за чашками. Разлила готовый кофе в чашки, капнула сливок и присела на табурет. А Ирина все плакала. Наконец Лидка, крепившаяся изо всех сил, выказывая сдержанность и такт, ей не свойственные, произнесла:

– Хорош реветь! Что случилось?

– Я поняла, что больше так не могу! – Ирина высморкалась.

– Сла-а-ава богу! – пропела Лидка. – С чего это вдруг прекрасное прозрение?

– Я была у них, посмотрела, как они живут... Понимаешь, я для него... сверх программы, довесок! У него все уже есть: шикарный дом, молодая жена, и ребенка собираются родить, а я... У меня ничего нет! Почти ничего, кроме покоя, равновесия, какой-никакой стабильности, и это почти ничего он разрушает! Понимаешь? – Она заплакала с новой силой.

– Я всегда говорила, что он гад, – хладнокровно заметила Лидка. – Но ведь и дает что-то взамен? Интерес к жизни появился, глазки заблестели.

– Ненадолго!

– Это всегда ненадолго! Правила игры...

– Какой еще игры?

– Он приходит, ты открываешь дверь, и никто никому ничего не должен. Он тебе что-нибудь обещал? Нет. Он тебя уже кинул раз? Кинул. Так чего же ты ревешь? Это как дважды два четыре!

– Я не из-за него, я из-за себя, – всхлипнула Ирина. – Ну почему у меня все наперекосяк?

– У всех наперекосяк, у кого больше, у кого меньше. Готова платить – бери товар!

– Какой еще товар? – недоуменно спросила Ирина.

– Тело и гормоны любимого мужчины, интеллигентно выражаясь! – рявкнула Лидка. – Продувка системы и востребованность. Непонятно? Могу и по рабоче-крестьянски врезать. Ты прямо как из детского сада, прости господи! А платить будешь завистью, ревностью и нарушением баланса, поняла? Пей кофий, остынет!

Они в молчании пьют кофе. Потом Лидка спрашивает:

– Ну, и кто он? Этот, в окне?

– Журналист, – безучастно ответила Ирина. – Сергей Иванович.

– Журналист? – ахнула Лидка. – Откуда?

– Кажется, из «Нашей газеты». Не помню...

– И ты с ним...

– Я с ним. На одну ночь.

– Импотент?

– Нет, я его испугала.

– Ты? Своей страстью?

Как ни было Ирине плохо, она рассмеялась.

– Нет, я рассказала ему про Гетмана.

– Зачем?! – вытаращила глаза Лидка.

– Не знаю, настроение было паршивое...

– То-то он курил в окне ни свет ни заря... Бедный мужик!

После ночи любви ему рассказывают о счастливом сопернике. Ты в своем уме, мать?

– Не знаю.

– Никогда никому ничего! Поняла? Не должна – и точка!

Никаких слюнявых идиотских признаний! Пока ты не призналась, ты святая, призналась – шлюха! – Лидка помотала пальцем перед носом Ирины. – Не нравишься ты мне! – сказала озабоченно. – Нужно тебя проветрить. Завтра мы с тобой идем на закрытый показ в «Икеару-Регию». Сами Регина Чумарова звонили и просили почтить.

Регина Чумарова была владелицей салона мод, и дружить с ней почитали за честь все известные женщины города...

– С чего вдруг?

– Кирка торгуется с ней за ремонт, вот она и мечет икру. Обещала скидку, если отберем что-нибудь. Завтра в пять,

потом прием. Будет весь бомонд.

– Не пойду! – сказала Ирина, представив себе, что там будет Гетман с женой.

– Пойдешь! Раз в жизни выпал шанс отовариться у Регины, а она в позу! Только попробуй! А сейчас одевайся. Пойдем дышать воздухом, пока мои мужики в разгоне.

Они долго бродили по парку, смотрели на реку. Дождевые дырки на небе закрылись, в природе посветлело и выкатилось солнце, все еще по-летнему жаркое. И сразу же засверкала река, вспыхнули длинные песчаные берега, и радостно затрепетали серебристые ивы.

Они выпили кофе на террасе кафе с видом на реку; перешли по пешеходному мосту на ту сторону, посидели на песке, подставив лица солнцу. пляж был почти безлюден и бесконечен, вода оказалась уже холодной. Отдельные смельчаки купались. С радостными воплями они бросались с вышки, проплывали по течению до моста, выскакивали на берег и резво бежали обратно...

А потом пришел Шрек. А потом пришел Бэтмен...

Из интернетских приколов.

...А вечером пришел Гетман. Он пришел с цветами, палевыми розами, что уже стало традицией. Измученная мыслями, Ирина открыла ему и уклонилась от попытки обнять ее. Гетман ничего не заметил или сделал вид, что не заметил,

и Ирина подумала с горечью, что он не из тех, кто обращает внимание на подобные малости. Правила игры – вспомнила она. Можешь платить – плати; не можешь – уходи. Элементарно. А заплаканные глаза, надутые губы, капризы тут не прокатывают. Не тот человек! Все в ней протестовало против навязанной ей роли вечной подруги, без надежды, на вторых ролях, но ответить даже себе на вопрос: «Чего же ты хочешь?» – она бы затруднилась. Не знала она, чего хочет. Тогда, в молодости, это была любовь, надежда и все впереди; сейчас... Черт его знает, что это было сейчас! Может, права Лида, и это всего-навсего востребованность, гормоны и тело любимого мужчины, любимого в прошлом, а вовсе не любовь? Еще... одиночество! Тоска одиночества... И надо быть проще: принять розы, обрадоваться, пощebetать насчет погоды, работы, новой шмотки... Да мало ли! Именно этого он от тебя ожидает! А ты...

– А ты понравилась Ленке, – сказал Гетман, устраиваясь на диване. Не самая удачная фраза в сложившихся обстоятельствах. – Говорит, красивая зрелая женщина. Я был горд, Ирушка!

Ирина раздула ноздри – он был горд! Ему есть чем гордиться: молодой женой, перестроенной квартирой, зрелой любовницей! Шикарным буфетом с аукциона, итальянским фарфором... Чем еще? Ковром? Кухонным комбайном? Антикварной кофеваркой? И где тут место ей, Ирине? Между фарфором и ковром? Нет! Ей место за гардиной, чтобы ни-

кто не видел, не догадался и не заметил.

«Но тебя же никто не заставляет! — воззвал голос рассудка. — Он предлагает тебе, что может, а ты вольна взять или отказать. Это же... элементарно!»

«Иди ко мне!» — Гетман притянул Ирину к себе; она уткнулась лицом ему в грудь и подумала: «Гори оно все синим пламенем! Одной еще хуже!»

Они целовались; он расстегивал ей платье, не отрываясь от ее губ, осторожно стягивал; она, извиваясь, помогала; они были наполнены до краев нетерпением и желанием... В кольце рук...

Глава 9

Взрыв

Регина Чумарова бросилась им навстречу! Лидка гордо повела взглядом – все ли оценили? Осенний показ проводился в выставочном зале Дома моды «Икеара-Регия», гостей встречали совладельцы Регина Чумарова и Игорь Нгелу-Икеара – вечные союзники-соперники³. Регина отвечала за матчасть, Игорек – за высокое кутюр-искусство.

Они стояли плечом к плечу: грузная квадратная Регина, сильно наштукатуренная, в белом жакете и черном платье (черное и белое – ее любимые цвета); и дизайнер – красавчик-мулат Игорь Нгелу-Икеара, полуместный-полукениец, одетый, по своему обыкновению, в лайковый костюм, на сей раз цвета грецкого ореха, темно-зеленую атласную косоворотку, с культовым тускло-желтым, небрежно повязанным шелковым шарфом. С сережкой белого металла в левом ухе. Бритая голова его с сильно развитой затылочной частью была гладкой и блестящей, как кегельный шар, и он время от времени поглаживал ее розовой ладошкой. Среди своих у него была кличка Чертушка.

– Девочки! Пришли! Молодцы! Проходите в зал! – Регина

³ История Регины Чумаровой и Игоря Нгелу-Икеара – в романах «Убийца манекенов», «Лучшие уходят первыми» и др.

махнула рукой.

Почти все стулья в первом ряду были украшены табличками «зарезервировано». Лидка, недолго думая, хладнокровно смахнула таблички с двух ближайших на пол: «Не надо опаздывать!» И они уселись.

– Богатые и знаменитые! – шептала Лидка, возбужденно вертя головой. – Кого тут только нет! А шмотки! Откуда только у людей столько денег?

Ирина сидела тихонько, как мышь под веником, кожей ощущая присутствие Гетмана с супругой. Но их еще не было, иначе Лидка не преминула бы доложить. Она запоздало подумала, что не нужно было садиться в первом ряду, где они как на витрине, и тут же одернула себя: «Прятаться? Не дождетесь!» Она вскинула подбородок и уставилась на пустой еще подиум.

Модели Игорька были на высоте, это знали все. Он стремительно пробежал по подиуму, картинно застыл у самого края, переждал аплодисменты, вытянув вперед руки с розовыми ладошками. Поблагодарил собравшихся и сообщил, что сейчас они увидят осенне-зимнюю коллекцию, над которой он работал последние полгода; две модели из коллекции побывали на июльском показе в Париже и вернулись с дипломами. Речь идет о костюме «Болеро» – короткий жакет и длинная юбка-годе, кашемир, беж; и брючном костюме «Ралли-ретро» – цвет черный, тонкая шерсть, длинный приталенный жакет и широкие слаксы; можно носить с чер-

нобуркой, которая снова вошла в моду. И о многих других, а также аксессуарах.

Публика – в основном взволнованные дамы – снова взорвалась аплодисментами. У всех в руках были цветные буклеты с изображениями новых моделей.

– После дефиле – скромный прием здесь же, – объявил Игорек. – Одновременно милости просим на выставку-продажу моделей в соседнем зале. Я уверен, всем известно, что каждая новая модель выполнена в одном-единственном экземпляре. Такова наша политика. Я не прощаюсь! – Он поклонился, сверкнув полированной макушкой, и удалился.

Праздник удался! Успех, восторг, фурор! Или «фураж», как в свое время говорил один знакомый Ирины, студент факультета физвоспитания.

Модельки, как пришельцы с Марса или Венеры, в шикарных развевающихся одежках, стремительной «маятниковой» походкой рассекали по длинной дорожке, глядя поверх голов гостей. Зал замирал на долгую минуту и испускал стон восхищения.

Лидка толкала Ирину локтем и что-то говорила. Ирина кивала, не прислушиваясь. Ей было не по себе, бог знает почему, и она жалела, что поддалась на уговоры и пришла.

В конце представления к ним проскользнула Регина и прошептала:

– Девчонки, пошли!

Она привела их в соседний зал, где как живые стояли ма-

некены: парами, группами, в вечерних туалетах; в костюмах и пальто.

– Пока никого нет, подберите себе что-нибудь. А то потом сквозь толпу не продерешься. Любая вещь со скидкой в пятьдесят процентов. Почти даром!

– Спасибо! – обрадовалась Лидка.

– На здоровье. Как вам модели?

– Шикарные! – закатила глаза Лидка. – Просто шикарные! Нет слов!

– То-то! Мы сейчас готовим осенний показ, то ли еще будет! Мы...

Звонок мобильного телефона не дал ей закончить. Она выхватила серебряный аппаратик из сумочки, поднесла к уху.

– Привет! Нормально. Что? – вскрикнула. – Кто? Какой ужас! Когда? Конечно, прекрасно знаю! Не может быть! Я слышала в новостях, но понятия не имела... Это точно? Какой кошмар!

Она опустила руку с телефоном и бессмысленно уставилась на девушек.

– Приятельница звонила, говорит, вчера вечером убили работника мэрии... Я его прекрасно знаю! Станислав Витальевич Гетманчук! Прекрасный человек, солидный, интересный... Приводил к нам жену, она купила несколько вещей... Какой ужас! Днем было в новостях, но я и понятия не имела, никаких имен не называли... Уму непостижимо,

что делается!

Лидка взглянула на побледневшую Ирину...

Глава 10

Вот и все...

*Ты сидишь молчаливо и смотришь с тоской,
Как печально камин догорает,
Как в нем яркое пламя то вспыхнет порой,
То бессильно опять угасает...*
С. Гарина. У камина. Романс

На исходе длинного теплого дня наступил не менее теплый вечер. После почти недели дождей наконец прояснилось, и появилась надежда, что погода «войдет в русло». Длинный двор в кольце старых, еще сталинской застройки, домов напоминал лабиринт – в нем было много потайных и укромных местечек, где находили приют вездесущие подростки или выпивохи. Он был хорош еще и тем, что здесь практически не гонял патруль – не то что в парке напротив. И сейчас в беседке – в самой темной его части сидела компания молодых людей...

Человек вошел в арку, пересек темный двор. Приблизился к подъезду, и тотчас раздался негромкий, как хлопок, выстрел. И сразу же второй. После первого человек качнулся, попытался удержаться на ногах, выбросив вперед руки и упершись в дверь подъезда. Раздался еще один выстрел, и он тяжело осел на землю.

Убийца побежал через двор к арке на улицу. Молодежь высыпала из беседки и подтянулась к подъезду; в это же время жилец дома вывел на прогулку собаку – золотистого ретривера Лорда. Жилец с трудом открыл входную дверь – убитый придавил ее своим телом. Первой в щель протиснулась собака. Обнюхав лежащего человека, она попятилась, подняла морду и завывала...

Убитым оказался сотрудник мэрии Станислав Витальевич Гетманчук, проживавший в двенадцатой квартире.

Был он убит из того же пистолета, что и таксист Овручев, две гильзы остались лежать на земле у подъезда – убийца не потрудился их поднять. А может, не нашел в темноте...

* * *

... – Деньги убийца не тронул, он даже не обыскал жертву, – сказал капитан Астахов. – Сделал два выстрела и исчез. Во дворе были люди, сидели в беседке; они слышали выстрелы и подбежали. Вышел сосед с собакой... Как свидетели – полный ноль.

Они снова сидели в «Тутси»...

– Два? – переспросил Федор Алексеев.

– Два. И самое интересное, Гетманчук был застрелен в своем дворе из того же пистолета, что и таксист Овручев два дня назад. Двумя выстрелами, как я уже сказал. Стреляли сзади. Одна пуля прошла навывлет через правое пле-

чо и застряла в двери дома, другая задела аорту – она-то и была смертельной. Марка оружия неизвестна, гильзы производства Швейцарии, в картотеке, как вы уже знаете, ствол не значится. Это произошло примерно в десять тридцать. Нашел его сосед, который вывел собаку Лорда, золотистого ретривера. Какое-то время он не мог выйти из подъезда, так как телом привалило входную дверь. И снова никаких свидетелей, никто ничего не слышал. Соседка из первой квартиры, чьи окна выходят во двор, показала, что слышала негромкий хлопок, как будто разорвалась петарда, подумала, что хулиганы балуются. Один хлопок или два – она не помнит. Скорее, один. Было десять тридцать пять – она машинально взглянула на часы. То есть, похоже, два выстрела прозвучали почти сразу, без временного разрыва. Когда мы приехали, полдома уже высыпало во двор, так что, если и были следы, то их уничтожили. Но гильзы мы подобрали, обе.

– Какой ужас! – воскликнул эмоциональный Савелий Зотов. – Два убийства за три дня... Во дворе, где были люди, почти на глазах... Что это?

– Пока не знаем, – ответил капитан.

– Кто такой Гетманчук? – спросил Федор.

– Чиновник мэрии, отвечал за социальные службы, на работе характеризуется нормально. Вернулся три года назад в родной город, устроился на работу. До этого проживал в Австрии, крутил бизнес, что-то связанное с электроникой. Прогорел и вернулся. А до этого был правой рукой тестя, ми-

нистра по строительству и инфраструктуре, после скандала с застройками в исторической части столицы уехал с семьей в Австрию. Похоже, просто сбежал.

– Пост серьезный? Деньги? Бюджет?

– Какие деньги, Федор? Откуда в городском бюджете деньги на социальные нужды? Работал, как я понимаю, вхолостую, от него мало что зависело. Так что на мотив не тянет. Отстоял скверик от незаконной застройки, организовал сбор подписей; встречался с просителями, обещал, утешал, кому-то помог с пенсией, кому-то с детским садиком. Мелочовка, одним словом.

– А раньше?

– Будем копать. Хотя... Если след тянется из прошлого и он остался кому-то должен, то так дела не делаются. Сначала разговаривают, а потом стреляют. А тут сразу выстрелили...

– Откуда ты знаешь? Может, разговаривали, – сказал Савелий.

– Если бы начали с разговоров, то не дошло бы до смертоубийства, Савелий. Гетманчук – мужик с сильным характером, хозяин, у которого все схвачено. В строительной мафии иначе не выжить. Да и в любой другой. Он умел крутиться. Можешь мне поверить, Гетманчук не позволил бы себя застрелить. Такие, как он, знают цену здоровому компромиссу, как говорит наш философ Федька, и откупаются. Все имеет цену, Савелий. Человек он небедный, как я понимаю.

– Связь с таксистом? – спросил Федор.

– Пока не выявлена. Работаем.

– Почему он возвращался так поздно? Откуда?

– Его жена сказала, что, несмотря на субботу, Гетманчук вышел на работу. Позвонил ей около семи и сказал, что немного задержится. Мы проверили – он действительно работал до семи, а потом ушел. Как оказалось, не домой, потому что до своего подъезда он добрался только в десять тридцать. Она мнется, но, чует мое сердце, не обошлось без прекрасного пола.

– Что она еще сказала?

– Ничего толком, плакала. Это его вторая жена, как я понимаю, лет на двадцать моложе, а то и больше. Совсем девчонка, тощая малолетка, не работает, сидит дома.

– Она была одна?

– У нее в гостях была подружка. Я записал ее телефон, подружки много чего могут рассказать.

– А сколько там пуль? – спросил вдруг Савелий.

– Где?

– В пистолете.

– Ты хочешь спросить, сколько он еще народу угробит? – уточнил капитан.

Савелий страдальчески поморщился.

– Если полная обойма, то много, – ответил Федор. – Но не факт, что полная. Может, он уже использовал оружие раньше... Так что, сам понимаешь, ответа у нас нет. Но все

равно достаточно.

– Завтра я займусь барменшей, в свете новых событий, – сказал капитан. – Хочешь со мной, философ?

– Хочу!

– Захвачу тебя в восемь утра – возьмем ее тепленькой.

– Вы думаете, эти два убийства связаны? – спросил Савелий.

– Оружие одно, оба убийства совершены вечером, убийца особенно не прятался – на улице могли быть прохожие, во дворе сидели подростки, а он подошел и выстрелил, – ответил Федор. – Единственное отличие: в первый раз он выстрелил один раз, причем в голову, во второй – два раза, причем в спину. Интересно, почему...

– Может, маньяк? – спросил Савелий.

– Вряд ли, маньяку нужна публика, переполох, страх – иначе зачем убивать? Или удовольствие. А тут действовали деловито, спокойно, без суеты. Народ если и присутствовал, то на заднем плане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.